

АЛЕКСЕЙ ГОРЯЙНОВ

ВСТРЕЧА НА МАЛОМ ТИБЕТЕ

Опыты тантры

Книга адресована тем, кто ищет свой духовный путь развития через христианские и древние восточные практики.

18+

Алексей Горяйнов

**Встреча на Малом
Тибете. Опыты тантры**

«Автор»

2026

Горяйнов А. Г.

Встреча на Малом Тибете. Опыты тантры / А. Г. Горяйнов —
«Автор», 2026

Это роман о любви, дружбе, тантре; поисках Высшей истины через взаимодействие мужского и женского; о девушке и парне, ищущих свой духовный путь и случайно встретившихся в Лехе, в горах на севере Индии. Вместе они посещают монастыри и места силы. С ними происходят события и чудеса, о которых автор раньше знал только из книг о мистических учениях и от духовных мастеров. Полученные знания переходят в ежедневную практику. Книга адресована тем, кто ищет свой духовный путь развития через христианские и древние восточные практики.

© Горяйнов А. Г., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	6
Глава 1	7
Глава 2	13
Глава 3	17
Глава 4	19
Глава 5	24
Глава 6	28
Глава 7	32
Глава 8	35
Глава 9	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Алексей Горяйнов

Встреча на Малом Тибете. Опыты тантры

Горяйнов, А.

Встреча на Малом Тибете. Опыты тантры (Автобиографический приключенческий роман), Литрес, 2026 г, 245 с.

Это роман о любви, дружбе, тантре; поисках Высшей истины через взаимодействие мужского и женского; о девушке и парне, ищущих свой духовный путь и случайно встретившихся в Лехе, в горах на севере Индии. Вместе они посещают монастыри и места силы. С ними происходят события и чудеса, о которых автор раньше знал только из книг о мистических учениях и от духовных мастеров. Полученные знания переходят в ежедневную практику.

Книга адресована тем, кто ищет свой духовный путь развития через христианские и древние восточные практики.

Горяйнов, 2026

Литрес

Посвящаю Марианне

АЛЕКСЕЙ ГОРЯЙНОВ

ВСТРЕЧА

НА МАЛОМ ТИБЕТЕ

ОПЫТЫ ТАНТРЫ

Автобиографический приключенческий роман

«Богу недостаточно проявлять заботу о своих чадах человеческих только в их родителях и близких. Он приходит и в облике друзей, чтобы дать нам шанс выразить нашу безусловную сердечную любовь».

Парамаханса Йогонанда «Вечный поиск»

«Есть люди самовлюбленные, есть люди ослепленные и есть люди бременем согбенные. Те, кого зовут самовлюбленными, заучивают слова только своего учителя и могут повторять их так гладко, так красиво, что они сами в себя влюбляются и думают, что познали все на свете. Им и невдомек, что в мире еще ничего не начало существовать...»

Чжуан Чжоу (Цзы) «Высший учитель»

«Быть магом, — продолжал Дон Хуан, — не означает заниматься колдовством, воздействовать на людей или насылать на них демонов. Это означает достижение того уровня осознания, который делает доступным непостижимое. Понятие «магия» не вполне точно отражает то, чем занимаются маги, — как, впрочем, и понятие «шаманизм». Действия магов связаны исключительно с миром абстрактного, безличного. Маги сражаются за достижение цели, не имеющей ничего общего с желаниями обычного мира. Маг стремится достичь бесконечности, и при этом быть в полном осознании».

Карлос Кастанеда «Активная сторона бесконечности»

Пролог

Ко времени описываемых событий мне уже было кое-что известно о высших возможностях человеческого сознания. Я лет пятнадцать самостоятельно занимался йогой, а затем встретил Мастера адвайты и проникся его учением. Но у меня было огромное желание общаться и с мастерами иных систем и методик, чтобы из множества знаний и осознанных практик, как пазлы, сложилось Целое. В самостоятельных поездках по странам Юго-Восточной Азии мне посчастливилось встретить таких мастеров. С каким-то учителями меня чудесным образом сводил Путь, к другим я приезжал в ашрам, школу или общину. У некоторых из выдающихся мастеров я получил посвящения, а парампара* ищущему дает многое... Позже приоритетными практиками я выбрал для себя цигун, ушу, тантру и даосскую алхимию. Но в те годы, о которых говорится в романе, я был еще в начале поиска и все ждал озарения, после которого бы наступило тотальное понимание сути вещей и возникла бы безграничная гармония с собой и окружающим миром. Встреча с Юлей и духовная тантра с ней приблизила меня к этому Пониманию.

Глава 1

В августе 2011 г мы с опытным эзотериком Ольгой Т. (собственно, она и привила мне любовь к Индии когда-то) путешествовали по природным и святым местам северо-индийского штата Джамма и Кашмир. Где мы там только не были! Ездили в мусульманскую мечеть — там сбываются сокровенные желания женщин; ходили маршрутами в горы по следам легенд; плавали на лодке по водным улицам Шринагара; купались в исцеляющих источниках; видели могилу пророка Иссы; жили в буддийских, индуистских и мусульманских семьях, погружаясь в аутентичный быт. И еще много чего мы видели...

Затем мы сели на самолет и прилетели в Лех. Этот город, расположенный на обширном плато, на высоте 3500 м над уровнем моря — столица штата Ладакх и центр Малого Тибета. Сюда приезжают туристы со всего мира, чтобы увидеть уникальную природу, почувствовать места силы, посетить древние монастыри, в которых веками проводили свои практики буддийские монахи.

В Лехе проворная Ольга нашла для себя жилье моментально. Она подселась в комнату к двум русским девушкам, которые приехали на практики к Мастеру. Я же с поиском жилья не торопился — до ночи еще был целый день.

До сатсанга Мастера оставалось не более двадцати минут. Я прошелся по одной из главных улиц города, оглядывая окрестности и сторонясь пыли, которую понимали снующие мотоциклы и водители джипов. Яркое утреннее солнце и близкие горы манили на поиски приключений. Возможно, где-то не так далеко находилась невидимая Шамбала, о которой так много писали Рерихи...

Войдя в зал Центра медитации, я взял из стопки в углу йогический коврик, нашел свободное место среди сидящих на полу, сам сел в позе лотоса и огляделся. В Лех к Мастеру люди прилетели из разных городов России, а также из-за рубежа. Все пока оживленно переговаривались. На подиуме, на покрытом золоченым покрывалом низеньком столике возвышался убранный цветами портрет Ошо — одного из учителей Мастера, который сам сейчас, склонив свое худощавое гибкое тело, облаченное в зеленую одежду санньясина, привычно зажигал ароматические палочки, в то время как на его широкое кресло кто-то уже положил пышный букет белых цветов. В зале было много незнакомых лиц, но кое-кого из преданных Мастеру учеников я знал еще по московским встречам.

Ольга вошла тихо и бесшумно пробравшись поближе к Мастеру, уселась в позу лотоса, расправила плечи, чтобы осанка была правильная (она вообще любит делать все правильно и по аюрведе*). Я поймал себя на мысли, что наблюдаю за ней, оцениваю, внутри иронизирую, а значит, еще и сам не полностью бываю осознан. В этот момент я задумался, насколько еще долг мой Путь постижения высшей Истины? Надо было войти в состояние молчания ума...

Мастер учением об адвайте* уже успел открыть своим ученикам многое. Поэтому, и на этот раз, мы с Ольгой снова вернулись к нему, специально спланировав маршрут наших путешествий. Люди всегда возвращаются к тому, кто первый открыл им глаза на мир... Однако, занимаясь исследованием своего сознания, я в тот период делал упор на даосские практики. Мне нравилось, что Даосизм — это не религия, привязывающая тебя к определенной культуре и стереотипам, а по большому счету — это философия жизни, позволяющая избавиться от страхов и вообще каких бы то ни было привязанностей. Проникнувшийся Дао*, может полноценно выполнять свои гражданские, семейные и общественные обязанности. Даосизм пришел из Китая. Самые известные его патриархи — Лао Дзы и Конфуций.

От Мастера исходила ощутимая сила, и она помогла настроиться на его волну. Я постарался прислушаться к тишине внутри себя, разотождествиться, но вдруг встретился глазами с Александрой — худенькой девушкой с двумя короткими косичками, жизнерадостной и все-

гда задающей неординарные вопросы. В Москве она обычно приходила на сатсанги со своей дочерью-крохой. Взгляды наши разошлись, но ее серые с поволокой глаза запечатлевшись в моем воображении, мешая сосредоточиться.

Мастер не любил опаздывающих, а на часах уже было три минуты девятого, когда вошел Сергей и, поискав глазами Александру, уселся возле нее. Вчера я их видел в маленьком уютном ресторане на центральной улице, где мы с Ольгой обедали. Ольга сказала, что Сергей довольно успешный психолог из Питера, Александра — психолог из Москвы. У меня, видимо, был какой-то подсознательный интерес к психологам, что-то я в них всегда хотел распознать. Почему они столь самоуверенны? Сейчас, бросив взгляд на Сергея, я заметил в нем тщетно скрываемую суетливость; сразу понял, что он увлечен Александрой. Сатсанг прошел, как всегда, на высоком уровне. Сначала было сидение в тишине (Дзадзен*), затем слушатели задавали Мастеру интересующие их вопросы — всем хотелось прозреть, открыть в себе Божественное, стать просветленными. Но я хорошо запомнил слова Мастера, который говорил, что не каждый способен прийти к просветлению. В завершении вечера мы получили от нашего гуру очередную практику, на этот раз связанную с исчезновением тела.

После занятий многие подходили к Мастеру, обнимались с ним. Некоторые, видимо, ждали, что Просветление каким-то чудом войдет и в них, просто, без особого труда... Но разве так бывает?

— Ты нашел жилье? — самоуверенная Ольга кивнула, чтобы я подошел к ней.

— Не успел, зайду к тебе в келью за своим рюкзаком позже.

— Ха, в келью! Скажешь тоже! У меня вполне приличный номер в гостинице на двоих с одной девочкой. Ты зря куда-то ушел, мог бы с нами вблизи ретритного центра послиться, но теперь все номера уже заняты.

— За рюкзаком, конечно, заходи.

Я пошел главной улицей в сторону северной окраины Леха, туда, где на вырубленных в скалах площадках приютилось несколько новых гостиниц — мне хотелось поселиться подальше от людей. Однако, к моему удивлению, в этих отелях номера оказались очень дорогие.

Ниже располагался старый район с его плоскострышными домами — они выглядывали из-за зелени пирамидальных тополей и кустарника. Спустившись туда и побродив по узким переулкам, также не смог найти подходящего номера — все было занято туристами. Однако Малый Тибет — это буддийский регион, и я надеялся, что буддийский эгрегор* приведет меня куда надо, ведь после чудесного взаимодействия с ним в Гималаях я реально, особенно в путешествиях, чувствовал его опеку.

Усталый, я снова поднялся к улице новых отелей, прошел еще выше, и вдруг весь Лех с его бесчисленными низкорослыми зданиями оказался передо мной как на ладони. Сердце замерло от красоты множества снежных вершин, открывшихся в отдалении. И все заботы куда-то ушли, я на какое-то время словно растворился в этом пространстве... Потом снова стал блуждать взглядом по городу и неожиданно увидел в переулке, метров на триста ниже обзорной точки, трехэтажное белое здание, похожее на гостиницу. Ее окна возвышались над огородом с четкими грядками каких-то культур и темной изгородью кустарника. Судя по всему, из тех окон должен был быть прекрасный вид на горы. Что-то мне подсказало, что нужно идти туда.

Калитка была приоткрыта. Пройдя тропой мимо грядок лука, петрушки и салата, я вошел в маленький дворик. На стуле возле входа в гостиницу сидел паренек-тибетец и так здорово наигрывал на гитаре мелодию «Yesterday» группы «Биттлз», что я невольно воскликнул про себя: «Ай да молодец, иноземец!» Увидев меня, юноша приветливо улыбнулся.

— Свободные номера есть? — спросил я по-английски.

— Есть, — ответил тибетец на том же языке, не переставая играть и улыбаться.

— Номера? Свободные? — переспросил я, не веря своим ушам.

— Есть, есть, один одноместный и один двухместный.

— Какова цена?

— 120 и 250 рупий.

Я прикинул, что курс рупии колеблется на уровне 1,5-1,6 рупий за рубль и разделил названную сумму на 1,5. Оказалось 80 рублей за одноместный номер. Почти даром!

— Покажите.

Оглядев оба номера, я взял тот, что оценивался в 250 рупий за сутки.

Как только тибетец ушел, я плюхнулся на стоявшую посередине комнаты широченную двуспальную кровать и закрыл глаза, расслабляя тело после долгих хождений по городу. Было очень уютно просто лежать. И вдруг передо мной с особой четкостью предстал та ужасная стихия, свидетелями которой мы с Ольгой стали неделю назад под Шринагаром. В этом городе мы снимали жилье у одной зажиточной мусульманской семьи. Дом у них был что надо! Трехэтажный. Почти дворец! Хозяева поставили нам одно условие — возвращаться домой до вечерней молитвы. Но мы с Ольгой пару раз опаздывали с прогулок, и очень совестно было проходить всякий раз мимо усердно молящихся в просторном фойе многочисленных домашних. «Наверное, так вести себя могут только недисциплинированные русские», — думал я, и строго пообещал себе, несмотря ни на что, больше не опаздывать, но запозднились мы и в третий раз.

А произошло вот что. Водитель — частник с посеченным оспой лицом (мы его случайно встретили на рынке в Шринагаре), впечатлил Ольгу рассказом о каком-то необычном источнике, искупавшись в котором, люди заметно молодеют. Индус предложил отвезти нас туда, а за автоэкскурсию он, естественно, хотел денег. Мне это с самого начала показалось авантюрой, потому что тот доморощенный гид по-английски, а тем более, по-русски, практически не говорил. И притом что-то неприятное показалось мне в глазах этого толстого бомбилы, они как-то беспокойно бегали...

Поездка затянулась на целый день, а деньги водитель с нас взял вперед, сказав, что ему нужно заправиться. Прада потом он действительно привез нас к какой-то ничем не примечательной большой луже в долине между гор. Озеро называлось так сложно, что названия не удалось запомнить, хотя Ольга почти всю дорогу расспрашивала о нем. Посередине водоем был разделен перегородкой, а мужская и женская раздевалки на берегу, как ширмой, были огорожены угловыми стенками. Справа от озера над обрывом и по крутому лесистому склону стоял ряд одноэтажных фанерных построек. Даже храма поблизости не было. Что тут могло исцелять и молодить! Однако людей у озера было много и нужно было выстоять очередь. Ни одного белого иностранца здесь мы не увидели, а паломники, в основном жители Индии, на английском или не могли общаться или по каким-то причинам отказывались это делать.

Водитель пообещал нас ждать на автомобильной площадке возле хижин. Скорее всего он нас действительно ждал, но тут начался дождь. А полил он тогда, когда мы еще стояли в очереди. Ольга — на женской половине озера, а я на мужской. Я пошел к ней. Она философски сказала сказала, что дождь — это временное явление и дала мне свой запасной зонтик. Запасливость ее меня, порой раздражала, но только не тут.

Дождь, словно насмехаясь над Ольгиными словами, усилился, в горах загрохотало, и на небе заблестали молнии, и вдруг так ливануло, что неподалеку стоящей толпы не стало видно, только силуэты какие-то мелькали. Все сразу забежали, стали выскакивать из озера, хватать как попало одежду. Я увидел, что спуск к воде освободился, и еще в этом потоке успел наскоро окунуться — вдруг помолодею! А когда ты молодой, тебе вообще ничего не страшно! Надо было по местному поверью окунуться в воду три раза, но я успел только два, потому что мне показалось, что вещей моих на берегу уже нет. Когда, выскочив на берег, я протиснулся через мокрые тела к своему рюкзаку, то нигде его не обнаружил! А в рюкзаке — почти вся моя одежда и кошелек с небольшим количеством денег (основную часть я предусмотрительно оставил у

хозяев дома). Хорошо хоть джинсы остались висеть на крючке! Я их тут же мокрыми натянул. Кроссовок нигде не нашел, наверняка их смыло потоком.

Наконец на каменной площадке перед озером, куда я выскочил босиком, увидел мечущуюся Ольгу. Она была в одном раздельном купальнике темно-синего цвета. Помню, окинув взглядом ее наготу, подумал, что для женщины старость не в радость, ноги у нее уже были не те... А ведь ей тогда было всего каких-то пятьдесят лет. Впрочем, меня ее тело не интересовало. В Индии особое эфирное поле. Оно помогает лучше работать с осознанием своей йогической сущности и не вестись на внешние привязки.

Тут же на площадке бегали и другие женщины, смуглые тела которых плохо скрывали куцые промокшие ткани. Некоторые из них были безобразны, малоповоротливы, другие красивые и юрки. Это я успел заметить. В юности у меня был живописный период, поэтому глаз на женскую красоту был наметан. И среди всей этой суеты белизна рыхловатого тела моей подруги выделялась особенно.

— Где твои шмотки?! — закричал я, стараясь перекрыть грохот грозы, шум ливня и рокот бегущих потоков воды.

— Я не нашла своих вещей. А твои где? — в ее голосе я заметил нотки иронии.

— Говорил тебе, не надо купаться в этой луже, а ты помолодеем, помолодеем! Вот теперь будем идти пешком, как Адам и Ева до самого Шринагара. До утра, может быть, и дойдем.

— Ладно, я знаю способ внутреннего согревания светом. Это из тибетской йоги. Позже научу, особенно если дорога будет длинная, а пока давай поищем мои вещи.

Мы снова начали искать, пригибаясь под ливнем, надеясь, что что-нибудь прибилось где-нибудь в камнях. Паводок в междугорье на глазах увеличивался, а мы все бродили по колено в воде, надеясь на что-то... Наконец, я выловил сбоку в канаве чьи-то грязные шаровары, но Ольга отказалась их надевать, все еще рассчитывая на чудо. И чудо случилось: вдруг к ней подбежала женщина, сунула в руки большой цветастый платок и тут же исчезла. Из платка Ольга моментально соорудила юбку, а потом показала на рыжую глину обрыва под хижинами:

— Может сель сойти, надо срочно уходить отсюда, как можно быстрее! — сказала она.

К этому времени мощь ливня поубавилась, но все же он был еще довольно сильный. Нам удалось преодолеть бежавший по долине бурлящий поток и взобраться выше него на тропу, по которой мы направились вниз в сторону трассы. Когда одна тропа заканчивалась или уходила в сторону, мы искали другую. Так мы и шли по камням босые, а соцветия маленьких белых цветов хлестали нам по ногам.

Когда мы прошли нижнюю площадку, на которой водитель оставил свою машину, Ольга с сожалением сказала:

— Неужели водитель смотался? Я уже посинела от холода.

— Так включай свою тибетскую йогу, — сказал я, усмехнувшись сквозь дрожь. — Ты ведь и меня обещала научить.

Серые Ольгины волосы слиплись, и от этого она стала похожа на крестьянку, промокшую под дождем.

— погоди, еще научу, — сказала Ольга. — но уже скоро должна быть нижняя дорога. А там поймает попутку.

— Ага, а в качестве оплаты за проезд, ты станцуешь танец живота. Ты танец живота можешь? Вид сейчас у тебя как раз подходящий!

— А чего и станцую!

— Ладно, я и сам станцевал бы, хоть голышом, лишь бы нас подобрали.

Ольга вздохнула:

— Придется новые рюкзаки покупать.

— А представляешь, Ольга, что бы было, если бы мы здесь, на краю света, совсем остались без денег?

— Ничего бы особенного не произошло, — ответила она мудро. Если бы мы даже остались совсем нагишом, значит, это нам для чего-то надо было. А Поток, в котором я нахожусь, нас все равно рано или поздно вывел бы.

Я понимал, о каком Потоке она говорит. Это у нее часто звучало. У эзотериков считается находиться в Потоке — значит быть в единстве с теми энергиями и силами, которые постоянно изменяют наш проявленный мир. Находиться в Потоке — значит быть защищенным своим же высшим сознанием, несмотря ни на что.

Потом она добавила:

— Хорошо, что мы с тобой основные деньги оставили дома. Главное теперь до него добраться.

Вскоре долина заметно расширилась. Поток воды теперь бежал по глубокой канаве сбоку растрескавшейся асфальтовой дороги. Вдруг мы увидели нашего водителя. Он одиноко стоял на обочине.

— О!!! — бросилась к нему Ольга. — Хеллоу! Куда вы исчезли!?

— Water! — ответил потерянно водитель. — Water!

— Где машина?

— Плиз, плиз!» — он закивал и робкими жестами позвал нас за собой.

За выступом скалы стоял автомобиль. Левое крыло и багажник его были сильно помяты. Толстяк засуетился, открывая двери и помогая моей подруге сесть на заднее сиденье.

— Садись со мной! — сказала Ольга.

— Нет, — ответил я, — я сяду спереди.

Эта ее самонадеянность мне не нравилась. Если бы она попросила или сказала как-то по-другому, наверное, я бы сел с ней; но ее амбиции и несоответствие ее изотерическим заявкам отталкивали ее от меня. Поэтому-то в этой экспедиции я и искал для тантры объект по женственнее что ли, да и помоложе...

Водитель достал из багажника болоньевую куртку и протянул Ольге:

— Плиз!

Ольга, дрожа от холода, надела ее.

В общем, для нас тогда все закончилось удачно. Правда, как я уже говорил, мы опять нарушили ночной покой хозяев, приехав на этот раз аж после их уже полуночной молитвы. Семейство уже спало, готовясь к раннему утреннему намазу, а в огромном тихом доме был слышен каждый шорох.

* * *

Я, кажется, задремал, находясь в поле благости своего нового жилища... Открыв глаза, снова огляделся. Увидел, что нахожусь в гестхаусе, и номер очень просторный, а главное — из него великолепнейший вид на южные и западные горы! И вон там виднеется несколько снежных вершин.

Снятая комната представляла собой просторную застекленную веранду с покрытым суриком дощатым полом. Кроме кровати, в ней было еще только два стула. Но надо ли ищущему свободы чего-нибудь больше? Ведь здесь можно жить и дышать горами, не отрывая голову от подушки! Я мечтал побыть с Тибетом наедине, и мне представилась такая возможность!

Кроме встреч с Мастером, у меня были планы самостоятельно позаниматься практиками, потому что в горах ощущаешь особую энергетику. Сходив освежиться в душевую, которая располагалась в конце длинного коридора, я сел на кровати и стал созерцать горы, пытаюсь проникнуть в их вековую суть глубинами своего сердца. И неожиданно удалось уйти еще дальше, ощутить себя частью этого пространства.

У меня уже было такое. С недавних пор я временами стал как бы входить в единство всего, чувствовать энергии, связывающие меня и пространство. Это далось через умение долго

держат Паузу в процессе Цигун-практик*, во время которых я убирал ум, отождествляя себя с бесконечностью Вселенной. Иногда возникало реальное взаимодействие с пространством Космоса. Я шел к этому через Понимание, которое, как фрагменты, складывалось из того, чему меня учили в разных школах, и из того, до чего я доходил сам. Мастер говорил, что узнать свою глубинную сущность, Истину, возможно только через понимание, что этому научить невозможно, ибо не с чем сравнивать. Истина есть везде, всегда и во всем, но ее нельзя пощупать, потому что только она одна не имеет причинно следственных связей. Она Великая пустота, которую умом не охватить, просто в какой-то момент по милости свыше ты начинаешь понимать, говоря даосским языком, как происходят вещи. Об этом же говорил и Лао Цзы в своей книге Дао Дэ Цзин: «Земля — больше человека, Космос — больше Земли, Дао — больше Космоса». Но человек, познавший Дао, стало быть, больше всего... Или: «Человек зависит от Земли, Земля — от Космоса, Космос — от Дао, но Дао ни от чего не зависит». Соответственно, человек познавший Дао, ни от чего не зависит... Для него все события жизни проходят перед глазами, как кино на экране. Ведь мы видим, что кинопроектор показывает нам реальные события, но не пытаемся же это потрогать...

Понимание, которому учил нас Мастер в соответствии с учениями адвайты, и работа с пространством приводит и к пониманию даосского пути, к пониманию того, что есть Дао. Не важно, что Мастер учит через Дзадзен практики. Дао и Дзен — одно и то же. Кроме того, Мастер привил мне основы цигун, а цигун и даосские практики — родные братья.

Выйдя из Паузы, я снова услышал под окном гитару. На этот раз молодой тибетец виртуозно наигрывал какой-то испанский мотив.

Я спустился вниз.

— Хорошо играешь, — сказал я. — Трогает до слез!

Снова улыбка и мне протягивается гитара:

— Сыграй!

— Я? А откуда ты знаешь, что я умею?

Ответа не последовало, только не сходящее с лица светлое сияние...

— Ну давай вспомню что-нибудь...

Я сыграл два куплета из старинного русского романса. Парень, поджав губы, понимающе кивнул и протянул мне руку для знакомства.

— Таньба. Мое имя Таньба.

Обедать в ресторан, специализирующийся на тибетской кухне, я отправился в прекрасном расположении духа. А с вечерним сатсангом Мастера закончился и первый день пребывания в Лехе.

Утро встретило ярким солнцем, встающим из-за изломов хребта. За дверьми что-то трещало, бормотало и пело. Встав с кровати, я выглянул в коридор. Дверь соседнего номера была открыта, а пестрая ширма, прикрывающая вход, сдвинута. В глубине комнаты на ковре сидели две старушки в монашеских одеждах. Стол и маленький комод возле них были уставлены всевозможными буддистскими атрибутами. Одна старушка монотонно читала мантры*, другая, держа барабан за рукоять, вращала его ритмичными движениями — и вместе с барабаном по кругу бегала цепочка с грузиком. Шла маленькая буддийская служба прямо у меня под боком. Сомнений не оставалось — меня привел сюда буддийский эгрегор. Понимание, что я нахожусь под его защитой, дало мне необычайную уверенность на весь дальнейший период пребывания в этих местах.

Глава 2

На утренний сатсанг я пришел в превосходном состоянии духа. Большие окна зала были плотно занавешены. От дверей поприветствовал Мастера, как это принято на востоке — сложением рук, окинул взглядом зал, рассматривая спокойные лица. Некоторые уже медитировали.

Мастер велел дежурному закрыть дверь и углубился в медитацию. Я занял свободное место, тоже закрыл глаза, и сразу почувствовал другое состояние. Что-то во мне открылось и как бы очень тонко, словно в самозабвенном танце, завибрировало. Но я сидел неподвижно. Пространство вокруг меня казалось неземным. «Это и есть йога, — промелькнула мысль, — состояние единения с окружающим миром».

Вдруг движение воздуха, коснулось меня. Оглянувшись на приоткрывшуюся дверь, я увидел спортивно сложенную темноволосую девушку, потихоньку крадущуюся на носочках к свободному пятчку. Короткая стрижка, белоснежная футболка, плотно обтягивающая ее красивую грудь, и зеленые брюки, скроенные по типу солдатских, придавали ей образ командос из какого-то голливудского военного боевика; и в то же время все ее движения были очень пластичны и женственны. У стены она села, подобрав под себя ноги.

Спихотившись, что долго смотрю на нее (вероятно, многие это заметили), я отвернулся. Но запечатленный в сознании образ притягивал, как магнит.

Она напомнила мне некоторых наших девчонок из секции легкой атлетики, в которой я занимался когда-то несколько лет параллельно с учебой в школе. И потом, во время учебы в геологоразведочном техникуме, где были разные спортивные секции, и в институте физкультуры я так же был избалован дружбой со спортивными красотками, спортивная женственная грация которых всегда восхищала меня. Но чувства к этой незнакомке казалось мне более глубокими. Впрочем, когда практикуешь адвайту, все в группе кажутся тебе родными. Вероятно, так работает поле пустоты, в котором ты растворяешься...

Я снова оглянулся. Увидев мой взгляд, девушка приветливо улыбнулась. Затем, закрыв глаза, стала медитировать. И эта ее естественность, и отпечатанный в матрице сознания ее образ еще какое-то время не давали возможности полностью разотождествиться. Задача сейчас была контролировать ум, войти в его состояние, успокоить, привести к потоку бесконечности без образов. Если не прикладывать волю и не концентрироваться, то не замечаешь, как выстраивается причинно-следственная цепочка образов и явлений — они всплывают в сознании одно за другим.

Временами я открывал глаза, направляя внимание на Мастера, стараясь уловить его настрой на спокойствие. Потом я услышал в голове тонкий свистящий звук с оттенками нежных вибраций. Удерживая внимание на нем, я смог лучше сконцентрироваться на состоянии здесь и сейчас и отсечь окружающий мир. Вспомнилось, что кто-то из учителей говорил, что это звук космоса, и он, как камертон, помогает настроиться на единую волну всего сущего, в том числе и в мирах, отличных от нашего. Я вспомнил, что похожие свистящие вибрирующие сигналы подают друг другу дельфины, когда плывут стаей. Мне ни один раз приходилось их встречать во время одиночного фридайвинга в Черном море.

Наконец я растворил мысли, забыл об окружении, но нужно было еще глубже утвердиться в понимании, что по большому счету нет ни времени, ни пространства, а все определяет наш ум, привязывая это к тому, а то к другому. Тогда возникают пределы, формы, мечты... Вселенский разум создает миры и населяет их существами, потому что у него Божественные возможности, но все есть сон, иллюзия, которую обычному человеку трудно осознать.

Примерно через час мастер открыл глаза.

— Задавайте вопросы, — сказал он.

Все немного оживились, поднялось несколько рук. На каждый вопрос давался обстоятельный ответ. Удивительно, что некоторых интересовали чисто психологические проблемы, например, как уладить конфликт в семье или заработать много денег, но ведь Мастер не раз говорил, что с этим и подобным этому нужно обращаться к психологам, а не к нему, ведь он не учит тому, как использовать свое эго в более выгодных условиях. Его задача помочь обрести людям тотальную свободу, растворить свое Я. Если хочешь приблизиться к божественному, раствори свое эго в осознании своей истинной бесконечности. У Бога нет эго, он безличностен... Это в даосизме и других учениях является сутью.

Много было вопросов по теме, как йогину правильно питаться, что можно и что нельзя делать. Мастер объяснял:

— Поскольку в окружающем мире все, в том числе и человеческое тело, заключают в себе энергии, а каждая энергетическая субстанция имеет свои определенные вибрации, то питаться лучше легкой сатвической* пищей. Тогда грубые вибрации клеток постепенно поменяются на более тонкие. Это сделает тело более чувствительным, более восприимчивым к пространству. Соответственно, у сатвичного* человека появляется больше возможностей для очищения пластов своего сознания и в итоге — для достижения реализации. То же касается всего другого — музыку йогину лучше слушать спокойную и не слишком чувственную, а книги для чтения более подойдут духовной направленности.

Незнакомый мне юноша поднял руку и неожиданно вставил:

— А мне один даосский мастер рассказывал, что его учитель курит, причем тому уже лет восемьдесят.

— Ну он, наверное, не взятяжку курит, — улыбнулся Мастер, и дав умолкнуть дружному смеху, продолжал. — В принципе, достигший реализации в силу своей непривязанности безопасно может делать то, что не позволительно ученику. Любому здравомыслящему человеку ясно, что курение, чрезмерное увлечение сексом, алкоголь и тому подобное вредно для здоровья. На Мастера же это никак не воздействует. Да он никогда и не будет это делать. А если возникнет какое-то желание или необходимость, ну что ж... Например, недавно я был на Запорожском семинаре, и по его окончании организаторы пригласили меня на шашлыки с пивом. Они поставили меня перед фактом, когда стол уже был накрыт. Ну и что, я спокойно пил пиво и ел мясо, хотя в обычной жизни я этого никогда не делаю. Грубой пище требуется больше затрат энергии на переваривание, а любой даос скажет, что жизненную энергию нужно максимально экономно расходовать. Даосизм — это вообще отдельная тема, и мы как-нибудь о ней поговорим... Добавлю, что все лишнее пробуждает психические энергии, а они довольно сильно выбивают тело из равновесия, а соответственно и ум.

В свое время Мастер много путешествовал по разным странам, учился у просветленных мастеров и знал практики разных учений.

Что-то снова заставило меня взглянуть на спортивную девушку. «Она могла бы быть великолепной партнершей в танцах», — подумал я. И вдруг неожиданно для самого себя я тоже кинул реплику:

— А что получается и танцами заниматься нельзя?

Мастер, словно не слыша меня, продолжал вести свою линию сатвичности. В данный момент он отвечал на тему благодатного мышления.

Я понимал, что вопрос задаю не вовремя, но меня будто кто-то настойчиво подталкивал:

— Так как насчет танцев? Я вот, например, занимаюсь спортивными танцами. Так что, нельзя?

Мастер, наконец, обратил на меня внимание.

— Можно, Алекс, такому йогину, как ты, все можно, — сказал он, как мне показалось, с иронией.

Внутри от этого ответа появилось еще больше вопросов, и они тянули за собой цепочку образов. Я спросил себя: «Что подумала обо мне прекрасная незнакомка?» Но сразу же в ответ дал установку: «Ничего не происходит. Все это только твой ум». Вспомнились слова знаменитого индийского йогина Пайлота Бабы*: «Мастеру все равно, что о нем думают». Интересно, почему это так? Надо будет об этом поразмышлять.

После сатсанга я подошел к Мастеру, окруженному плотным кольцом учеников, чтобы разрешить еще один внезапно возникший вопрос, но пока стоял, поджидая, когда он освободится, картина в уме как-то сама собой прояснилась. Я развернулся, чтобы уйти и чуть не натолкнулся на приглянувшуюся мне девушку. Оказалось, она стояла позади меня. В это время Мастер окликнул:

— Алекс, ты что хотел?

— Да так, ничего...

И тогда к Мастеру протиснулась она.

— Можно обратиться?

Мастер кивнул.

— Я тут путешествую самостоятельно. Вот решила походить на ваши сатсанги. Думаю, мне это будет полезно. Конечно, я оплачу весь предлагаемый пакет и дополнительную программу.

— Хорошо. С этим подойдите к Зое. Она вас запишет. Завтра с утра мы идем на экскурсию в Императорский дворец.

— Прекрасно. Кстати, вы не могли бы подсказать, где можно снять недорогое жилье, а то я пока устроилась в очень дорогом номере и хочу переехать. Я путешествую уже третий месяц и мне нужно быть экономнее.

— На нашей улице есть ряд приличных гостиниц экономкласса. Вы можете посмотреть их, ребята покажут.

— Знаю, где это, — обрадовался я возможности подключиться к разговору и познакомиться с девушкой.

— Покажете? — она улыбнулась.

— Да.

Мы вышли на главную улицу, а через пятьдесят метров свернули направо, пошли тесным, зажатым заборами, переулком.

— Как вас зовут?

— Юля.

— А откуда вы?

— Вообще я родилась и выросла в Харькове. Но потом закончила университет Лесгафта в Питере, долго жила и работала в Англии.

— Вот как!? Интересно... А Лесгафта — это ведь спортивный?

— Да.

Меня удивило совпадение: внешне и даже немного манерами она напоминала мою первую (и последнюю) жену, с которой мы когда-то давным-давно учились в одной группе в институте. Еще удивило, что им обоим пришлось пожить в Харькове. Жена первый раз была замужем за харьковчанином, а потом переехала ко мне в Москву и работала массажисткой. Брак наш длился всего полгода. Потом мы развелись. Очевидно, для семейной жизни я не был предназначен... Я тогда много времени посвящал живописи, писал картины на охотничьи темы, копировал пейзажи голландских мастеров и даже успешно продавал картины в Измайлово на вернисаже, хотя художественного образования не имел. Большая часть времени отдавалась творчеству, а жене минимум. Впрочем, мы оба были теми еще эгоистами!

Но интересно, как подобное притягивается к подобному! И вообще — как мистичен мир! Ведь после окончания института, когда она уехала в Харьков и завела там семью, я не слышал

о ней много лет, почти уже забыл своего комсорга и вдруг я вижу ее во сне, все такой же юной, улыбающейся, но почему-то обнаженной. Она подходит ко мне и трется о мои плечи щекой и ухом с наслаждением, и ее длинные светлые шелковистые волосы щекочут меня. «К чему этот сон?» — раздумывал я, проснувшись, но уже в следующую минуту раздался телефонный звонок, и я услышал ее реальный голос. Она приехала в Москву и предлагала встретиться.

— Кем вы работали в Англии? — спросил я у незнакомки.

— Личным фитнес-инструктором у разных состоятельных людей.

Чудные параллели! Ведь моя ненаглядная тоже вначале работала фитнес-инструктором, а потом стала профессиональной массажисткой.

Ничто не происходит случайно...

В это время Юля отвлеклась на телефонный звонок.

— Ну и как жилось в Англии? — спросил я, когда она закончила говорить.

Видно было, что прошлое ей не очень хотелось вспоминать. Она перевела разговор на другую тему, стала спрашивать о Мастере.

Когда ее вопросы были удовлетворены, я любопытствовал:

— А как вы сюда попали?

— Прилетела на самолете.

— Одна?

— Да. Я решила на неопределенный срок освободиться от любой работы и отправилась в путешествие. Недели две пробуду в Лехе, потом собираюсь посетить Драмсалу, Тадж Махал, Варанаси, многое хочется посмотреть... Думаю, пожить в Индии до осени следующего года.

— Не каждый может себе это позволить...

— Как выясняется, многое возможно, если очень захотеть... А вы, Алекс, с группой?

— Да. То есть здесь с группой, а так все прилетели сюда, на сатсанги, самостоятельно.

В четырехэтажной гостинице Мастера (перед красивым зданием размещались нарядные цветочные газоны) свободных номеров не оказалось. Стоящие дальше по улице дешевые гостевые дома также были битком забиты туристами.

— Пойдемте на главную улицу, — сказал я. — В конце ее в переулках много маленьких гостиниц. Может быть, там найдем что-то.

Юля пожалала плечами и пошла за мной.

Миновав бредущих навстречу черно-белых коров, и ряд древних буддийских ступ (так называют здесь специальные религиозные сооружения в виде конуса), мы по подсказке встреченного по пути одинокого туриста (он оказался итальянцем) верхним переулком спустились к пыльной улице. В начале ее у стены сидел парнишка-сапожник, разложив на грязной тряпке инструменты для своего ремесла. Показав на мои порвавшиеся сандалии, он стал настойчиво приговаривать по-английски:

— Зашить, зашить! Твоя обувь требует ремонта!

Затем паренек вскочил и некоторое время шел за нами, продолжая показывать на мою обувь. Я почувствовал себя неловко перед девушкой. Впрочем, тут же встряхнулся: а разве что-нибудь происходит? Это все уловки ума.

— Приду в другой раз, — сказал я, — сейчас совсем нет времени заниматься этим.

Гест хаус* мы нашли быстро. Он находился в начале короткого переулка, на углу которого стоял старый кипарис. Юля оплатила номер и пошла за сумками. От моей дальнейшей помощи она отказалась.

Глава 3

В зале я к ней не подходил. После вечернего сатсанга, когда все стали выходить на улицу и надевать оставленную перед дверью обувь, рядом со мной оказалась Юля.

— Ну как вам жилье?

— Нормальное.

— Может, перейдем на ты?

— Давай попробуем, — ответила она просто.

— Ты куда ходишь есть? — спросила она, — я так проголодалась!

— Да тут полно всяких кафешек на улице. Хочешь, пойдем вместе поужинаем?

— Пойдем.

Мы прошли ряд туристических офисов и маленьких кафе и, войдя в тесный дворик, взобрались по железным лестничным маршам, идущим по фасаду двухэтажного здания, на крышу. Здесь стояли ряды примитивных столов и стульев, часть из которых находилась под навесами в тени, а часть на солнце. Многие ресторанчики в Лехе напоминали обычную столовую, но кормили в них добротно и вкусно. В этом блюда были самые разнообразные, включая напоминающие пельмени момо из баранины, и курицу, приготовленную на гриле. Кругом витали ароматные запахи.

А какие вкусные были вегетарианские блюда! Особенно мне нравилось ассорти из всевозможных тушеных овощей. Быстрое обслуживание обеспечивалось посредством кассы, к которой подходили посетители рассчитываться после еды. Мы сели за столик в тенистом углу, и отсюда был хороший обзор улицы.

Только сделали заказ официанту, как появились Александра с Сергеем.

— Какие люди! — засияла смазливая Александра широкой улыбкой.

Они сели за стол по соседству. Сергей, как ухажер, галантно пододвинул за подругой стул.

Похоже, у них разворачивался роман. Они ворковали, как голубки, забыв про нас, и он осторожно клал руку на ее ладонь. Внутри меня заговорили два разных голоса: «А как же муж, Александра? — сказал первый. — Ведь многие знают, что ты замужем. Девчонки говорили, что ты мужа любишь... И у вас есть маленькая дочка. Как-то не вяжется все с духовной практикой... Ладно, — прервал его второй голос, — твое ли это дело? А женщина-психолог, если что, всегда найдет способ оправдаться, тем более что среди современных бизнес-леди шлюху можно встретить чаще, чем слона в Африке». «Так, стоп, — остановил я себя, — хватит. Ведь еще Будда сказал, что "один человек не может судить другого". Но ум не умолкал: «А сам-то ты не слишком ли увлекаешься Юлей? Нет. Это другое. Я не стал бы переходить на физическую близость, даже если бы она сама этого захотела. Здесь, в местах силы, важнее всего духовное общение, гармоническая взаимосвязь и практики осознания. Мне почему-то очень хотелось, чтобы Юля стала моим другом. Но у меня тут же возник вопрос: «А смогу ли я и дальше оставаться равнодушным к ее совершенным формам? Думаю, что смогу. Любая духовно-тантрическая практика — это еще и приложение воли. И кроме того, у меня есть моя внутренняя ответственность перед М., которая осталась в Москве».

— Юля, ты так ничего конкретного не сказала о своем гестхаусе. Как комната? Как вид из окна?

— Номер вполне комфортный, хозяйка заботливая. Но окно во двор и, конечно, никаких видов на горы. А у тебя за окнами прям горная панорама, ты говорил? Я бы хотела взглянуть...

— Если хочешь, после ужина можем зайти ко мне.

— Сегодня не могу. У меня встреча.

Я не стал ее расспрашивать с кем она встречается. Хорошие отношения — это прежде всего свобода.

* * *

Утром Мастер собрал группу учеников на площадке возле Медитационного центра и повел ее паутиной улиц на другой край города, где вверху на скалах располагался серокаменный дворец Императора Сенге Нангъяма, правившего Ладакхом в XVII веке. Это девятиэтажное сооружение, без всяких украшений, выглядело довольно мрачно.

Перед воротами дворца, Мастер немного рассказал нам об истории Леха и затем распустил всех для самостоятельного осмотра. Я поискал глазами Юлю, но не нашел. Пришлось лазать по дворцовым уступам в одиночку. В принципе, не очень-то и хотелось навязываться...

После трудных подъемов по крутым ступенькам и блуждания по многочисленным переходам и пустым пыльным комнатам я, наконец, взобрался на широкую смотровую площадку, где обнаружил обнимающихся Сергея и Александру. Эти ребята приехали в Тибет явно не для того, чтобы очистить душу и прозреть. «Опять они мне на глаза лезут! Знак, что ли это, чтобы с Юлей у меня так примитивно не получилось, — подумал я. — Когда приходишь к пониманию единства всего сущего и чувствуешь Поток, пространство регулярно посылает тебе знаки. Только нужно уметь их читать. А с другой стороны, ум склонен к логическому увязыванию причин и следствий, согласно опыту индивидуума. Но ум нередко ошибается. Вот почему идущий по духовному пути старается развивать интуицию.

Откуда ни возьмись, появилась Ольга.

— О, привет! Завтра неподалеку от Леха в одном монастыре будет фестиваль тибетских танцев. Мы с Галей собираемся туда. Поедешь с нами?

— Не знаю, — протянул я задумчиво.

— Хочешь, пригласи Юлю, я вижу, эта девочка тебе понравилась...

— Хорошо, попробую, — я не стал разочаровывать Ольгу, и по обыкновению принялся размышлять про себя: «Юля, это хорошо подходящая для моей ян-энергии инь-энергия*, вот и все. Я реально чувствую взаимодействие этих энергий. Они создают гармонию. Все остальное, что придумало человечество для своего развлечения — секс и умственные заигрывания — только связывает. Мне близка и понятна даосская философия, которая строится на взаимодействии женского и мужского начала — они присутствуют во всем и создают все видимые и невидимые формы мира».

Глава 4

Юля случайно встретила меня на торговой площади, когда я шел от Дворца в сторону своего гестхауса. Она легко согласилась поехать на фестиваль.

На следующее утро Галя, Оля и Юля я встретились возле Центра медитации без опозданий. Я давно заметил, что точность характерна для тех, кто занимается йогой. Кто практикует состояние здесь и сейчас и понимает, что все сущее в мире едино, обычно не опаздывает. Опаздывать — это вредить кому-то, а значит вредить себе... Если говорить обо мне, то занятия практиками цигун, в особенности долгое стояние в позиции «Большое дерево», дали мне способность точно ощущать время. При этом важно непрерывное осознание Дао в повседневности, во время любого дела. Особенно здесь, в Лехе, идя на какую-нибудь встречу, и даже на встречу с Мастером, я старался не смотреть на часы, а тренировать внутреннее видение. И мое интуитивное знание времени не подводило. Один раз я опоздал на сатсанг минуты на три, но обычно приходил с удивительной точностью. Правильная концентрация и медитация в движении всегда приводила меня куда бы то ни было без опозданий.

Вообще мужчина, занимающийся цигун и даосскими практиками, нарабатывает в своем теле главным образом инь-энергию, а женщина — энергию янь. Задача растущего даоса со временем полностью заменить ян-энергию на инь-энергию — тогда, в нем появляются сверхвозможности, а говоря языком индуизма — сидхи. В Дао известны (женские) инь-парадоксы, о которых когда-то написал Лао Дзы:

- уступая, я выдерживаю испытание;
- пустое пространство наполнено;
- когда я оставляю себя, мое я становится больше;
- когда я ощущаю себя наиболее разрушенным, я нахожусь в начале периода роста;
- когда я ничего не желаю, многое приходит ко мне.

Очевидно, состояние «вне ума» (где нет ни времени, ни пространства), которого ты достигаешь за счет цигун-практики, также относится к инь-парадоксам, поскольку, убирая ум, ты начинаешь знать с точностью до минуты сколько сейчас времени, и вообще многое об окружающем мире.

Итак, встретившись, мы вчетвером направились через весь город к автостанции. Нам повезло, не пришлось долго ждать автобуса, но пассажиров в нем набилось битком. В салоне было и несколько иностранцев, отличавшихся от индусов и тибетцев белым цветом кожи. Проехав от города пару километров, автобус неожиданно сломался. Всем пришлось вылезать в каменистом поле и ждать, когда приедет другая развалюха. Вскоре она пришла. Мы забились в нее по новой. Две полные израильтянки с рюкзаками, раскрасневшиеся от неудобств и жары, не выдержали и отправились ловить такси. Ольга, любящая комфорт, да вдобавок максимально низкие цены, умудрилась найти себе в автобусе сидячее место.

Мы же с Юлей стояли в проходе возле друг друга полу боком лицом к лицу. Сперва я хотел сохранить безмятежность дао-потока в себе и едва сдерживал давившую на меня толпу (девушка, кажется, это оценила), но потом сдался, ведь прижаться к ее идеально очерченной груди было так приятно. Меня волновало все ее упругое тело под легенькой белой маечкой; и особенно явственно ощущался ее маленький твердый сосочек, довершающий все это великолепие. Я ничего не мог поделать со своим основным инстинктом. Нижний даньтян переполнился энергиями, и я был вынужден переводить их в более высокие энергетические центры специальными техниками. Но у меня не сразу это получилось, потому что для правильной трансформации необходима безмятежность.

Юля, очевидно, почувствовала, что со мной что-то происходит, потому что вдруг после долгого молчания сказала:

— Знаешь, каково свойство ума? Например, горит одна лампочка в коридоре твоей квартиры, и тебе много лет этого хватает. И вдруг света становится недостаточно, хотя физиология твоя по-прежнему в норме. И ты вкручиваешь вторую лампочку. Но, спрашивается, что изменилось?

Я не знаю, к чему она это сказала, но ее слова показались мне очень умными. Ум красивых девушек меня всегда дополнительно возбуждал. И новое давление энергии в низу живота заставили усомниться: «Вот те на! Какой же я, нафиг, йог, если не умею управлять своей сексуальностью!» Вспомнились слова Зигмунда Фрейда о том, что человеку нужно научиться трансформировать сексуальную энергию в психическую. Действительно, нам бы всем это не помешало, сколько бы у людей исчезло проблем!

И вспомнилась мне еще одна прекрасная девушка, которая... Впрочем, давайте по порядку.

Года за три до описываемых событий я по совету еще одной продвинутой знакомой оказался на психологическом форуме, который проходил в Матвеевском, в современном Доме культуры. Там познакомился с Катей, восемнадцатилетней администраторшей данного мероприятия, умной не по годам девицей. Она заканчивала третий курс академии йоги и хорошо разбиралась в астрологии, йоге, в совершенстве владела техникам праноямы. Преподаватель академии, какой-то выдающийся тантрик, имевший серьезную тантрическую инициацию по линии древних индийских йогов, передал свои способности и ей.

Словом, она меня очаровала. Я предложил ей поехать ко мне в деревню, отдохнуть пару дней на природе и позаниматься вместе йогическими практиками. Я описал ей красоту той местности, где когда-то у бабушки проводил свое детство, и где по наследству от отца мне достался его столетний дом. «Там такая маленькая Швейцария, — рассказывал я. — Холмы, леса, перемежающиеся с полями, делают ту округу незабываемой. А по краю деревни течет красивейшая, вся в кувшинках река. Но ехать придется далеко, аж за Тулу». Катя, к удивлению, быстро согласилась.

Я заехал за ней на машине. Она снимала жилье напротив конноспортивного комплекса «Битца». По дороге за разговорами мы еще больше прониклись симпатиями друг к другу. Я поглядывал на ее милое улыбочное лицо с ямочками на щеках, пытаюсь понять, что ею движет. Но потом расслабился. Четыре часа пути пролетели незаметно, и вот уже и купание в теплой реке, и асаны, и пранояма на рыбацких отмостках, а потом долгое чаепитие перед раскрытым низеньким окном, в которое причудливыми силуэтами на фоне лунного неба заглядывали растущие в палисаднике лопухи.

Я рассказывал ей о своем деревенском детстве, о друзьях, об играх, о том, как нам было вольготно у реки, и о том, как мы проказничали на Петров День. Особенно ее заинтересовали истории про колдунов и колдуний, которые передавались в деревни из поколения в поколения; какие-то непонятные чудеса в те времена и мне приходилось видеть; но особенно ее впечатлили истории моего отца, который, как он мне рассказывал, был очевидцем встречи с оборотнем, а еще папа видел, как из трубы на метле вылетела старуха соседка. Он любил пугать меня колдунами в детстве... Правда, отец мой иногда перебирал лишнего за воротник, а в изменённом состоянии что только не привидится...

— Кстати, с домовым я и сам иногда общаюсь в этом доме, — сказал я между прочим.

— Как? — удивилась она. — У тебя в доме живет домовая?

— Да, он, по-видимому, живет за печкой и иногда проказничает: то чашку подвинет, то постучит два-три раза, а то однажды ко мне приехал погостить один режиссер, так он ночью его кровать двигал...

— Как?

— Так!

— Андронников мне говорил, что я ударяю ночью по его кровати снизу так, что он аж подпрыгивает. Но я уверял его что такими делами не занимаюсь.

Она еще долго меня расспрашивала о разном, касаемом мистики, и в ее голосе слышались нотки страха. Она, словно тянула время до утра, но мне хотелось спать.

— Я тебе постелю в доме, — сказал я. — А сам пойду в сарай. Люблю на деревенском воздухе поспать в сарае, где сквозь щели в досках тянет запахом сирени, тюльпанов и ирисов!

— Ой, а можно я тоже лягу в сарае! — она быстро встала, словно боясь, что я уйду один.

— Но ведь ты хотела лечь отдельно, а в сарае только один диван, правда, он вполне широкий. Если хочешь ложишься со мной.

Она на мгновение задумалась, глядя на кровать возле печи, и тут же согласилась.

Мы перешли в сарай, где на разложенном диване я постелил чистые простыни. Она легла первой. Я еще немного походил по двору, а когда, скрипнув покошенной дверью, вернулся, не раздумывая, сразу нырнул к ней под простыню и прижался к молодому телу.

Катя не отодвинулась, но предупредила:

— Я сейчас прохожу практику брахмачарьи*, мне интимная близость мастером запрещена на три месяца.

— Ну, связь — это и не обязательно, — сказал я, мы же йоги, и должны уметь себя держать в руках, даже если рука лежит на груди женщины, — и я обнял Катю и действительно положил руку на ее умеренно большую и почти каменную грудь. Она невозмутимо спросила:

— Что ты делаешь?

И спокойно убрала руку. Но ее молодое тело было так притягательно. Я снова вернул ладонь на прежнее место.

— Ну если тебе так нравится, — сказала она. — Но ты ж понимаешь, что дальше путь закрыт: брахмачарья — это святое!

— Будь уверена, я не буду к тебе приставать, просто давай полежим так, — прошептал я.

Она затихла. Напор сексуальных энергий толкал меня на действия. Дав слово, я сдерживался из последних сил.

Мы смотрели в потолок и разговаривали об ее учебе в академии, о практиках. В широкие трещины дощатого пола пробилась трава, пахло свежестью и высохшей древесиной. Катя была в одних узких трусиках и маечке на голое тело. Пора было заснуть, чтобы рано встать на зарядку. Мы лежали в шавасане*, чтобы успокоиться, и пожелали друг другу спокойной ночи, но сон никак не шел. Я лежал и раздумывал, что у всякого мужчины рядом с привлекательной женщиной возникает желание что-то делать, куда-то двигаться. Это может не проявляться внешне, но взаимодействие мужских и женских энергий никуда не денешь. Спонтанно внутри начинается невидимое движение по закону инь и ян. Картина природная: все в проявленном материальном пространстве имеет противоположности вследствие двойственности нашего мира. Существует плюс — минус, мужчина — женщина, холод — тепло, хорошо — плохо и так далее. Эти противоположности создают движение соответствующих энергий.

Я чувствовал, что и Катя не спит. Вдруг она нарушила тишину:

— Ты, конечно, и сам возбудился, и меня сумел возбудить. Давай я расскажу, как можно убрать это давление в нижней части тела. У меня уже поясница как вулкан!

И вот тогда-то она и научила меня тому, чему научил ее Учитель.

— Положи свою ладонь мне на поясницу и ощути сгусток энергии, — сказала она. — Теперь переведи сознанием его в свою нижнюю чакру. Вращай комок энергии по лепесткам муладхары по часовой стрелки одновременно со мной (она начала считать, начиная от левого лепестка). Переводи сгусток на левый лепесток следующей чакры. Представляешь ее? Следующая свадхистана. На ней лепестки оранжевые и их шесть.

Она очень хорошо меня чувствовала и не торопила. Главное было четко визуализировать чакры, и ощутить движение шарика энергии по ним, помогая этому движению направленным вниманием.

Катя крутила энергию внутри себя синхронно со мной, и когда мы дошли до сердечной чакры, я вдруг обнаружил, что низ живота меня уже не беспокоит, давление в нем чудным образом растворилось. Когда совместными волевыми усилиями нам удалось поднять энергию до горловых чакр и направить еще выше, я ощутил уже сильное давление в голове и присутствие необычных, распирающих энергий в ней, что поначалу вызвало сильное беспокойство. Но вдруг через уши, глаза, ноздри с тонким шипящим звуком стало изливаться что-то, как будто через маленькие отверстия под большим давлением выходил газ. И я ощутил такой непорочный экстаз — состояние в тысячу раз превышающее радость эякуляции! Все мое тело, словно растворилось. И притом Вселенная, словно открылась мне во всем своем единстве!

— Вот это да! Вот это да! — только и мог я выговорить.

— Давай помолчим, — сказала она.

И почти сразу мы одновременно заснули. И сон был такой хороший, без сновидений.

На зарядке я поблагодарил Катю от всей души, добавив:

— Теперь я понял, что такое по-настоящему расширенное сознание!

А она такая гибкая, стоящая в бежевых шортиках и белой футболке под раскидистой яблоней, только улыбалась, стреляя в меня взглядом наполненных светом карих глаз.

— Чтобы продлить это состояние, тебе нужно было закрыть руками уши, нос, глаза и рот, но ты меня не услышал.

— Слышал что-то, но все было так необычно!

Помолчав, она добавила:

— Разве это сравнится с обычными постельными утехами?

Свои половые инстинкты я научился сдерживать, можно сказать, еще в младенчестве, когда родители отправляли меня на летнюю детсадовскую дачу. Там в конце каждой недели в банный день молодые стройные воспитательницы старательно отмывали нашу грязь. Зная, что с помывкой последних «бойцов» няни начинают сами мыться, снимая с себя купальные костюмы, я делал вид, что не могу самостоятельно одеться и оставался одним из последних. Помню, тетенька с золотыми, рассыпавшимися по загорелым плечам кудрями, энергично вытирала меня полотенцем, поставив для удобства на деревянную скамью в раздевалке, а я с затаенным дыханием время от времени косился на притягательную впадинку пупка в бархатистом бугорке ее живота. Но, казалось, няня не замечала проявленного к ней интереса. А потом вдруг на пороге душевой появилась другая, не менее красивая и совсем раздетая няня. Освободившись от последнего мальчика, она разделась донага, и сама пошла мыться. И в тот миг, когда я увидел это откровение, меня как будто накрыла волшебная волна, мир стал, как бы более проявленным, мысли куда-то ушли, предельное внимание соединило меня с чем-то, что, казалось, больше всего на свете. Состояние было очень необычное. Видимо, это было то концентрированное здесь и сейчас, которого так жаждут йоги. В следующий миг я почувствовал у себя эрекцию, и, уже каким-то образом понимая — это четырехлетний малец! — что это неприлично, сознательно ввел себя в состояние страха, который мгновенно сделал отлив крови от нижней части тела, опуская «морковку». А затем нужно было стать тихим и незаметным, убрать ум, уйдя в глубину себя... Возможно, очарованные этой образовавшейся тишиной, няни не торопились меня отправлять из раздевалки, и я болтался в ней до последнего...

Я уже тогда понимал, кто, красив, кто нет, кто строен, кто мне неприятен. Все уже было заложено во мне тогда, в том четырехлетнем возрасте. Кажется, что с тех пор я несколько не изменился, только лишь сделал ум более изощренным, в том числе и за счет знаний, которые могут уводить от истины.

Сейчас, теснясь и трясясь в автобусе рядом с Юлей, я вспомнил Катину практику и начал, было, работать с чакрами, но тут Ольга сказал, что пора выходить.

Глава 5

Выйдя из автобуса, мы увидели стоявший на возвышенности монастырь. Издали казалось, что он состоит из трех прилепленных друг к другу высоких домов с многочисленными окнами. Постройки различались по цвету — серая, бордовая и белая. Я разглядел на сером фоне строительные леса: серое — это оказывается штукатурка; после ремонта левое крыло монастыря снова будет покрашено в белый цвет; бордовый посередине, естественно, останется, так как это любимый цвет буддистов.

Горы виднелись в отдалении, и мы находились в широкой долине. Где-то там, посередине ее текла река. Пыльная дорога с толпами паломников, уставленная по краям множеством машин и палатками торговцев, повела нас вверх. Вскоре она разветвилась, уйдя в сторону, туда, где были наибольшие массы людей и слышались звуки трубы и барабанов.

— Вероятно, там проходит фестиваль танцев, — сказала Ольга, остановившись, — но нам лучше сначала осмотреть монастырь.

Мы не возражали. Полуденное солнце светило слишком ярко, и хотелось поскорее спрятаться в прохладной тени каменных стен. Пройдя ворота монастыря, мы вчетвером стали взбираться вверх крутыми ступенчатыми переулками, заглядывали в залы с выставочными экспонатами, рассматривали компактно расположенные на этажах монашеские кельи, и вскоре мы с Юлей отбились от наших спутниц. И сразу почувствовалось облегчение. Хотелось побыть с прекрасной девушкой наедине — другие женские энергии были бы лишними.

По пути на этажах встречались храмы. В любые храмы, будь то христианские, мусульманские, индийские или буддийские я всегда любил ходить один. Кто-нибудь, постоянно находящийся рядом, неизменно выводил меня из разотождествления. Поэтому я так понимаю: истинная связь с Богом происходит только тогда, когда ты полностью расслабляешься и как бы забываешь об окружающем мире. В групповых экскурсиях я всегда старался дожидаться, когда большинство людей выйдет из храма и, оставаясь один, иногда начинал чувствовать, как на меня буквально сходит Божественная сила. В некоторых храмах энергии были очень мощными. Однажды я сказал православному батюшке, что, будучи в Дели, зашел в индуистский храм и возле лингама Шивы от пронизывающих энергий меня буквально зашатало. На что священник ответил: «Знамо дело, где бисовские силы кроются — в индуистских храмах!» Я постарался все это не комментировать даже себе, ибо кто я такой, чтобы о чем-то судить! Я просто описываю события, которые происходят так или иначе. Мастер учил нас находиться в таковости, то есть быть здесь и сейчас, и не поддаваться на проiski ума. Ум в любой момент может вывести тебя из этого состояния, увлечь своими иллюзиями.

Но в этот храм я зашел следом за Юлей. Я хотел через высшие энергии и божественную силу намоленного веками места как-то познать ее инь-энергию. Мы вошли в маленький зал, в центре которого в позе лотоса восседал огромный золотой Будда. Кроме нас не было ни других туристов, ни священнослужителей. Юлия села слева от входа, я — справа. В индуистских храмах женщины садятся по разные стороны прохода. Возможно, также принято и у буддистов... Мы оба ушли в медитацию. Я держал свое внимание в середине груди, и образ золотого Будды помогал создавать там свет. Снова вспомнились слова Лао Дзы: «Земля больше человека, Космос больше Земли, Дао больше Космоса», поэтому чтобы максимально приблизиться к Богу, к Дао, нужно было войти в состояние Космоса, а для этого нужно очень четко представлять себе его во всех направлениях. Ощущать бесконечность пространства во все стороны мне помогали практики цигун. Они дали понимание, что человек — это не то, что я себе представляю, что его тело — это размеры Вселенной, и только нужно научиться ощущению Пространства бесконечности.

И сейчас, приступив к ставшей уже привычной практике разотождествления, я очень быстро настроился на восприятие Космоса, вошел в состояние безграничного пространства и неожиданно почувствовал, что сердце открылось, соединив в себе каждую частичку громадного мироустройства. Почти такое же состояние Великой любви я уже испытывал один раз, но в обычном отождествлении ума с окружающим миром вспомнить его было невозможно — попытки всегда заканчивались только ощущением тоски по этому состоянию блаженства. Сейчас я подумал, что Юлина энергия, трансформировавшись через высшие энергии, помогла мне войти в состояние этой неизъяснимой радости. Но переполнявшая меня любовь была выше привязанности к личности, и потому слез не было...

Выйдя из медитативного состояния, я обнаружил, что Юли нет. Она уже надевала за красиво расписанными воротами храма снятую ранее обувь.

— Как ты почувствовал, что я закончила медитировать, ведь я выходила тихо?

— Не знаю. Вдруг стало не хватать ощущения твоей энергии.

Она внимательно посмотрела на меня и улыбнулась.

— Я не хотела мешать тебе. Пойдем выше.

Мы прошли еще пару пролетов по ступенькам и вскоре оказались на ровной, как солдатский плац, крыше. Перед нами открылись виды на отдаленные горы и уходящее к ним выжженное солнцем плато. Фестивальная площадка в окружении кольца зрителей находилась внизу прямо под нами, и мы с высоты птичьего полета стали разглядывать танцующих в ярких костюмах и масках маленьких человечков.

— Смотри, здесь на краю крыши классное место! — сказала Юля. — Никто не мешает, можно перекусить, — и, смешно сморщив на ярком солнце красивый носик, добавила. — После медитаций всегда так хочется есть ...

В этот момент мне показалось, что она удивительно похожа на голливудскую актрису Деми Мур. Почти такое же лицо, волосы, фигура, грудь, манера поведения. Я хорошо запомнил эту актрису по фильму «Призрак», который впечатлил миллионы зрителей не только правдиво переданной мистической историей, но и незабываемой музыкой. Однако внешне мне никогда не нравились черноволосые, коротко стриженные девицы. Моя жена была блондинкой...

Юля достала из рюкзака вещи и стала выкладывать на красивое покрывало принесенную с собой еду.

— Садись. Вот подложи себе коврик, а я сяду на этот кусок шкуры. У меня много чего есть.

— У тебя все предусмотрено для походной жизни... Я тут тоже кое-что из еды прихватил.

— В горах нужно всегда быть хорошо экипированным, мало ли что... Давай, ешь, — она протянула мне бутерброд с белым сыром и большой кусок красного перца.

— Как вкусно!

— Это яковый сыр. Я его купила на рынке.

Я еще хотел что-то сказать, но она остановила меня:

— Давай помолчим. Прием пищи требует тишины.

Она положила бутерброд себе на ладонь и, сидя в позе лотоса с закрытыми глазами, замерла — видимо читала мантру или молитву — так иногда делают йоги, чтобы пища лучше усвоилась.

Я ею любовался и успевал любоваться танцующими внизу человечками и горами. Господи, как хорошо-то! Что еще надо человеку! Казалось другого мира, кроме этого — идеального, и не существует. Но тут послышался знакомый голос, и из лестничного проема высунулась голова Ольги:

— О, ребята, вы тут? Привет! Как здорово, что вы догадались здесь пообедать! Я с удовольствием составлю вам компанию!

Ольга с невероятным для предпенсионного возраста проворством вспорхнула на крышу и, подойдя к нам, уселась рядом, выкладывая свою еду. Поминутно нависая над карнизом, чтобы взглянуть на происходящее внизу, она, словно огромная птица, пытающаяся рассмотреть с неба добычу, загоразивала мне Юлю.

— Какой у вас тут прекрасный вид! — Ольга разговаривала с набитым ртом. Сразу вспомнились слова Шолы, организатора одного подмосковного йогического семинара, которая по его итогам отчитывала учеников: «Некоторые из вас непонятно зачем сюда приехали! Если дежурный по столовой режет сыр так, словно его топором нарубили, а в унитазе, простите, можно обнаружить не смывное дерьмо, то что такой человек может получить от Мастера? Сначала нужно научиться элементарной культуре, а уж потом о высших материях говорить! Если вы хотите есть такой сыр, то ешьте, я его есть не буду!»

И в который раз за эту поездку я сказал себе: «Смиряться, Ольга послана тебе для работы над собой. Значит, тебе это пока надо. Иногда мир дает человеку возможность посмотреть на себя со стороны через другого человека. Может быть, и ты не так безукоризнен? Нужно будет тщательнее понаблюдать за собой...»

Покончив с едой, мы спустились по каменной лестнице, оказавшейся на обрывистой стороне монастыря, прямо к фестивальной площадке. Здесь на импровизированной сцене прыгали и кривлялись два маленьких человечка в костюмах обезьян, очевидно, это были подростки. Потом их сменили страшные маски с копьями. Среди множества зрителей мы вдруг увидели Галю. Она сидела на стуле и еще два стула перед стеной стоящих людей были свободны. Ольга сразу заняла одно место. Юля оставалась стоять рядом со мной. Актеры танцевали слишком примитивно и однообразно.

— Что-то не очень интересно, — сказала Юля, — может, пойдём, погуляем, посмотрим, что предлагают торговцы?

— Пойдём.

Мы пошли вдоль торговых рядов и вскоре увидели паренька в красных шароварах с голым торсом, жонглирующего небольшими светящимися шарами. Во время полета эти шары меняли свой цвет с красного на оранжевый, с оранжевого на желтый, с желтого на зелёный, с зелёного на голубой и, наконец, на белый.

— Слушай, — загорелись глаза у Юли, — ведь эти шары почти копируют чакры, они даже меняют цвет в той же последовательности. Спроси, а можно их у него купить?

— Смотри, а вон такие же продают с прилавка!

— Где?

— Там.

Мы подошли к девушке, торговавшей наряду с другими сувенирами светящимися шарами.

— Сколько стоит один шар? — спросила у нее Юля по-английски.

— Двести рупий. В них светодиоды с резисторами и встроенная батарейка, — объяснила девушка.

— Хорошо, — сказала Юля, — я их беру. Дайте мне три.

Девушка положила шары в яркий сувенирный пакет и протянула Юле. Та рассчиталась и устало вздохнула:

— Ну теперь, похоже, пора домой. Где тут конечная автобусов?

Но оказалось, что уехать с фестиваля не так-то просто. Автобусы все были заказные. Они ждали своих туристов и нас брать не хотели. Мы протолкались на автомобильной площадке, на которой полицейский регулировал отправкой машин, битых полчаса, но так и не могли уехать. Даже попутки нас не брали. Такого давно со мной не случалось. Я уже говорил, что в путешествиях, особенно по буддийским странам, все складывалось для меня гладко. Значит, задержка вызвана необходимостью. Но какой? Я вспомнил об Ольге. Неужели это потому, что

мы должны подождать ее? Если это так, то она сейчас появится, а уж с ее организаторскими способностями мы, конечно, быстро уедем. Буквально через минуту после моих размышлений появилась Ольга с Галей.

— Ну, что узнали, где тут автобусы до Леха? — спросила Ольга.

— Обычных автобусов вообще нет, все заказные, — сказала Юля.

— Не может быть, ну как это так?! — не поверила Ольга.

Она ринулась сквозь толчею людей искать автобус, но вскоре вернулась.

— И правда, я узнавала у полицейского, он говорит, что автобусы сюда не заходят, и надо идти на трассу.

— Странно, но нас ведь как-то сюда привезли?

— Для меня это тоже загадка.

В это время я увидел сажащихся в стоящий на обочине джип европейцев — мужчину и женщину.

— Извините, вы в Лех? — спросил я, подойдя к ним.

— В Лех.

— А моих девушек возьмете?

— А сколько человек?

— Трое.

— Да, у нас как раз три места свободных.

— Девчонки, идите сюда, — позвал я. — Вот джип.

— Повезло! — воскликнула Ольга, влезая в автомобиль.

Галя последовала за нею.

— Нет, я без тебя не поеду, — сказала Юля. — Езжайте, мы будем искать другую машину.

— Ой, да джип такой широкий, — сказала Ольга. — Мы тут и вчетвером сзади сядем. — Индусов в такие джипы вообще по двадцать человек набивается.

Она стала о чем-то толковать с хозяевами автомобиля, и те вдруг очень радостно позвали нас с Юлей в салон.

Когда я втиснулся к женщинам, взяв Юлю на колени, Ольга удовлетворенно произнесла:

— Это англичане. Они думали, что в машине на заднем сиденье можно ездить только троим, но я им все объяснила.

Воистину, Ольга обладала непревзойденными организаторскими способностями!

Глава 6

— Ты хотела посмотреть мой номер? — спросил я у Юли, когда мы выходили, отужинав в ресторанчике под деревьями.

— Уже поздно, — сказала она задумчиво. — А, впрочем, ладно. Уж очень хочется посмотреть на горы из твоего окна!

Мы пошли коротким путем, который я недавно разведаль — тропкой вдоль быстрого ручья, текшего между огородами.

Калитка на территорию гестхауса была открыта. Во дворе никого не было. Мы поднялись на второй этаж, скрипя дощатыми половицами. Мои соседки за занавешенной открытой дверью читали мантры. Слегка повозившись с неудобным навесным замком, я открыл номер. Вошли. Сделав паузу, я двумя быстрыми движениями раздвинул шторы, словно художник, показывающий свой шедевр, и сказал:

— Вот он какой, Лех!

Город лежал внизу в окружении вечерних гор. Охваченные заходящим солнцем, все в полутонах, как на картинах Рериха, они были великолепны! Юля замерла у панорамы.

— Красиво... Какой вид! Какие огромные у тебя окна! И номер просторный — целая веранда! А на кровати, наверное, можно вчетвером разместиться!

— Это если лежать, — усмехнулся я, — а если сесть друг за другом, то довольно большой коллектив можно разместить, — и помолчав добавил: — медитирующих...

— А давай и мы с тобой посидим. И просто полюбуемся закатом, — Юля, не церемонясь, уселась в позе лотоса на краю кровати, а я просто прилег рядом, чтобы расслабиться. Я чувствовал запах ее кожи. Она пахла свежестью, как у ребенка, и оттенками какого-то нежного цветка. Я увидел, что она закрыла глаза, и, осмелев, стал рассматривать черты ее лица. Мы оба сохраняли неподвижность. Незаметно я ушел в состояние полусна-полумедитации, когда вот-вот провалишься в забытие, но какая-то сильная привязка не дает уйти в сон окончательно. В этом пограничном состоянии ты контролируешь физическое тело, видя его как бы со стороны, охваченный сладким разотождествлением. Вдруг из угла в угол по стене пробежался легкий треск. Юля открыла глаза и удивленно посмотрела на меня.

— Почему у тебя стены трещат?

— Не знаю. У меня такое бывает даже дома в Москве. Когда я в безмолвии думаю о вечном, то мне как бы из другого измерения знак дают, что есть и другое бытие. А у тебя так не бывает?

— Нет. Может тебе нужно стены окроплять святой водой? Или хотя бы обычной? Я вот дома после сна обязательно взбрызгиваю свою кровать, чтобы нейтрализовать астральных существ, которые прилипают во сне.

— Помогает?

— Конечно! После окропления водой всегда спится лучше. Послушай, — ее вдруг осенило. — У нас же есть волшебные шарики! Может быть, их как-то можно приспособить для медитации?

Она взяла свой рюкзачок и вынула оттуда шары.

— А как?

— Мы можем сесть напротив друг друга. Садись в позу лотоса. Вот, хорошо. А шары мы поставим между собой.

— А что дальше?

— А дальше включаем шары и смотрим на них. Они помогут нам очень четко представить свои чакры. Во многих йогических школах большое место уделяется визуализации.

Шары попеременно загорались красным, оранжевым, желтым, зеленым, синим и белым цветами.

«Фантастика! — воскликнул я про себя, — неужели она сейчас будет учить меня раскручивать энергию по лепесткам и поднимать ее вверх?» От одной этой мысли закипели энергии в свадхистхана-чакре*, отвечающей за сексуальные инстинкты. Но оказалось, что Юля об этой технике ничего не знает, и когда я объяснил, а она сделала попытку закрутить энергию, у нее ничего не получилось. У меня вначале тоже. Я был рассеян и немного взволнован ее близостью. Не хватало безмятежности и сосредоточенности на внутреннем.

— Нам не хватает йогического опыта, — сказала Юля.

— Или, другими словами, мудрости... В некоторых направлениях буддизма считается, что мудрость возникает из созерцания пустоты. Давай просто посидим с закрытыми глазами и сосредоточимся на пустоте.

Мы сели на кровати друг напротив друга. Она закрыла глаза и позволила мне положить руки на ее раскрытые ладони.

— Поверь, — сказал я тихо, — во Вселенной все создано только умом. Когда его убираешь, все исчезает или видится в совершенно другом свете.

— Откуда ты знаешь? — прошептала она.

— Я тебе потом расскажу. Просто постарайся убрать все связи: образы, запахи, ощущения, звуки, вкус, словом все, что привязывает.

— Тогда я уберу твои руки.

Она пошевелила ладонями, и я отсоединился.

Удивительно легко было сидеть рядом с ней. Несмотря на то, что в начале энергии нижней части живота не давали мне покоя, я очень быстро сумел перевести их в Сахарасрару* (а, пользуясь даосскими терминами, в верхний Дантьян*) и сразу наступило полное спокойствие. А потом вообще все исчезло. Появился рассеянный по всему Космосу свет, и в нем было все мое внимание.

Не знаю, сколько прошло времени. Очнулись мы одновременно.

— С тобой так хорошо и спокойно, как с лучшей подружкой. Мне бы хотелось рассказать тебе многое, но лучше говори ты... Ты сказал, что когда ум полностью убираешь, то Вселенная видится в другом свете. Как это?

Я долго думал, что на это ответить, но потом все же решился.

— Я никому не говорил, но эта тайна, вероятно, мои очередные предрассудки. Если у меня был опыт вхождения в состояние другого видения Мира, то должно быть и другие вправе знать об этом? Во всяком случае ты... Я однажды был там, где все едино. Ольга говорит, что описываемое мною состояние — это какой-то уровень астрала. Но даже если это так, то это очень благодатный астрал.

— Как же ты в него попал?

— Был период, когда у меня целый год не было женщины. Буддистские и христианские монахи считают воздержание важной частью духовного роста, и я следовал их заветам. Кроме этого, я перестал употреблять спиртные напитки и мясо, но каждый день подолгу занимался цигун, гармонизируя в себе энергии инь-ян. И вот однажды, выйдя из-за письменного стола, за которым просидел несколько часов, работая над статьей, прилег на кровать. Мое тело лежало на ровной достаточно твердой поверхности и без подушки. Автоматически я вошел в состояние медитации, ведь известно, что даже Будда медитировал иногда лежа. И вдруг я почувствовал, как некая, неведомая мне до этого субстанция, начала подниматься от основания позвоночника. Это было похоже на движение змеи. Подойдя весь путь, энергия уперлась в макушку. Было предчувствие, что сейчас произойдет самое главное в моей жизни — открытие в себе чего-то такого, чего я раньше не мог испытывать. Я много раз слышал теоретизирования разного уровня йогов о том, как энергия кундалини поднимается вверх по центральному каналу

— сушумне*, и когда она выходит через макушку, то йогину и открывается то самое запретное. Но это теоретически, а на практике я не встречал такого человека, кто бы мог мне рассказать о своем опыте в области кундалини. Энергия внутри меня напирала с такой мощью, что, найдя микродырочку в макушке, стала через нее просачиваться. Против этой силы ни что не могло устоять. Внезапно оглушительный звук (взрыв) прервал мою связь с внешним миром — энергия разом вырвалась через макушку наружу. И я исчез. Меня не стало. Я смотрел по сторонам во все глаза, но не видел своего тела. Одновременно я ощутил себя везде, во всех направлениях Вселенной. Все было заполнено мною — лучащейся золотистой энергией. Волны ее переплетались и переливались разными оттенками. Повсюду была полнота и гармония более темного или более светлого золотого сияния. Космос был живым, полным невыразимой любви и отзывчивым. Вдруг тонкий, едва уловимый свист, пронизывающий его, преобразовался в звуки, похожие на щебетание птиц. Это ощущение полного блаженства нельзя передать словами. Не об этом ли священнослужители говорят, как о рае небесном? Потом щебетание трансформировалось в слова, и я отчетливо услышал: «Смотри, кто к нам пришел!» Оказывается, я состоял из бесконечного множества живых существ, и все они находились во мне — со мной неразделенно, и в то же время слова слышались со всех сторон. Непередаваемое ощущение, когда нет образов и форм, но есть единство всего! Ни что не отвлекает, все воспринимается (да и воспринимающего-то кажется нет) в едином целом! Великая безграничная радость! Трудно объяснить это вне умственное, но в то же время мыслящее осознанное состояние...

Я замолчал.

— А что было потом?

— В какой-то момент я подумал о своей личности и об оставленном где-то теле. Я почему-то четко знал, что пребывать дольше в этом благодатном состоянии можно только, не концентрируясь на прошлом, не привязываясь к телу, а оно осталось в прошлом. Но появилась мысль, которая привнесла в этот новый для меня мир какое-то легкое, пока еще отдаленное беспокойство поиска чего-то. И я понял, что мысль ищет привязки к телу. Она была все навязчивее и навязчивее. Я старался удержаться в новом для меня мире, но с мыслью ничего нельзя было поделать! Она заставила меня вползти через дырочку в макушке назад в свое брненное тело... И больше никакие усилия не смогли заставить снова выйти в состояние высшей благодати.

«Вот оно как все на самом деле!» — думал я тогда в потрясении, боясь пошевелиться.

Наступила пауза.

— Ну, ладно, расскажи теперь ты мне что-нибудь, Юль!

— Да мне нечего тебе рассказать.

— Тебя ведь что-то беспокоит в этой жизни?

Она внимательно посмотрела на меня, стала копаться в рюкзаке и вынула сигарету.

— Можно покурить?

— Тебе можно.

— Я открою, — она кивнула на фрамугу, положила сигарету на стул, где были продукты (несколько плодов авокадо, пакет молока, бутылка сока, полбатона хлеба), подошла к окну и, изящно потянувшись гибким телом, щелкнула верхней щеколдой. В комнату ворвался ветерок. Юля снова под села ко мне, прихватив сигарету, стала рассказывать:

— В Англии остался один человек, с которым у меня было несколько лет счастливой жизни. Малоизвестный режиссер, он своих проектов не имел. Как он сам говорил, работаю на дядю. Но меня все устраивало. Денег хватало. У нас была прекрасная квартира в хорошем районе. Но потом все пошло не так. Для меня. Неожиданно нашлись спонсоры, и он стал снимать собственное кино по давно написанному им сценарию. Он буквально жил на киностудии, дома не ночевал. На меня он, казалось, махнул рукой, обещая в перспективе золотые горы и царскую жизнь. А я хотела жить сейчас, а не в иллюзорном будущем. Короче, мы расстались.

А теперь я думаю, правильно ли я сделала? Может быть, надо было дожидаться, когда он придет в себя, и тогда можно было бы уговорить его поехать со мной в Индию? Здесь многое становится понятным.

— Тебе надо его отпустить, побольше медитировать, и тогда пустота сложит для тебя судьбу наилучшим образом. Пустота наполнится смыслом жизни на новом уровне, и, возможно, твой возлюбленный даже сам найдет тебя. Медитация — это уход от известных нам измерений — времени и пространства, туда, откуда этот весь мир создается...

— Да, Мастер говорил, что ум в пространстве и во времени создает образы, формы, иллюзии мира, а все это есть, ничто иное, как энергии. Энергии, сталкиваясь между собой, не дают внутри тебя наступить покою.

— Правильно... Мне тут пришло на ум сравнение. Знаешь, есть поговорка: «Время лечит?»

— Ну да...

— Но ведь когда нет ни времени, ни пространства, то лечить нечего. Почему наркоманию никто не может вылечить, кроме сильнейших учителей йоги? Потому что психологи и врачи опираются на внешние связи, хотят одни связи заменить другими. Йогин же идет через пустоту. Что такое наркотик? Сильнейший стимулятор ума, который напрямую связан с телом. Но когда ты находишься в полной пустоте, то тебе просто нечего стимулировать. Тебя нет, и ты не испытываешь дискомфорта.

Я почувствовал, как после этой моей тирады она слегка напряглась.

— Ладно, пойду. Завтра к девяти надо быть у Мастера.

— Я тебя провожу.

Мы тихо вышли из дома и тем же переулком пошли к ручью, который спускался к главной улице. Светила яркая луна, но в тесной, заросшей кустарником пойме стало слишком темно, я вспомнил о фонарике, который остался дома в маленьком рюкзачке. Надо было его прихватить. Но возвращаться и лишний раз скрипеть половицами в спящем гестхаусе не хотелось. Ладно, доберемся так.

Передвигаться было трудно. Мы то и дело останавливались, отыскивая тропинку; балансируя, прыгали по торчащим из воды булыжникам, поддерживая друг друга. На темной поверхности ручья играли лунные блики. Темный силуэт ее фигуры казался магическим, и он притягивал к себе, как магнитом.

Один раз она чуть было не плюхнулась с камня в воду, но удержала равновесие, уперевшись в островок суши ногой. Пытаясь ей помочь, я так приблизился, что наши холодные носы соприкоснулись.

— Ты что это? — спросила она.

— Я? — и промолчал, не зная, что ответить.

Мне вдруг так захотелось ее обнять, поцеловать, но в то же время все было так прекрасно в этом подлунном мире наедине с ней, что не имело смысла добавлять к ощущениям еще что-то.

Глава 7

Через день Мастер организовал экскурсию по нескольким монастырям. В то утро, как обычно проверяя свою интуицию, я долго не смотрел на часы. А когда понял, что пора выходить, на часах уже было без семи девять. Отъезд был назначен на девять ноль ноль, а Мастер никого не ждал ни минуты. На дорогу до Медитейшн-центра у меня уходило пять минут. Успею. Спустившись быстро вдоль ручья и перейдя мост вначале улицы, увидел, что возле огромного буддийского барабана, закрепленного под крышей на постаменте, никого нет; значит, еще могу один раз быстро обойти его по кругу, вращая за рукоять. Внутри барабана мантры — может быть сотни или тысячи исписанных листков. Когда барабан вращается, они подстраивают тело человека на более тонкие частоты. Я быстро прокрутил барабан. На один круг по ощущениям ушло не более минуты. А дальше надо бежать, чтобы попасть к отъезду хотя бы за минуту.

Прибежав на площадку перед Медитейшн-центром, я никого из наших не увидел. Не может быть, чтобы такое количество людей могло так быстро и организованно уехать, ведь по слухам в туристическом офисе было заказано для группы более десятка легковых автомобилей. Я рванул почти по-спринтерски по дороге, уходящей вниз петлей, надеясь обнаружить хвост колонны, и неожиданно выскочил прямо на Мастера. Худощавый, длинноволосый, с чисто выбритым лицом, одетый в свою серую одежду саньясина, он стоял на перекрестке с черным рюкзачком за плечом и жестами выстраивал несколько скупившихся автомашин в линию.

— Алекс, садись в машину с табличкой «12» на стекле. Там есть одно место.

Ни выговора, ни сурового взгляда. Но при этом я вспомнил, что кое-кому Мастер, бывало, делал и жесткие замечания...

В автомобиле, кроме меня, молодой бизнес-леди и ее семнадцатилетнего сына, успешного объездить с мамашей полмира и переполненного юношеским максимализмом, была еще ничем не примечательная женщина пенсионного возраста. Но она-то как раз и оказалась самой интересной собеседницей. Когда я рассказал попутчикам, что мы с Ольгой перед Лехом были в Шринагаре, и видели там в маленькой мечети гроб Пророка Иисы, она стала с увлечением рассказывать о прочитанной ею книге «Неизвестная жизнь Иисуса».

— По плану мы должны посетить монастырь в Хемисе. Как раз он-то и известен легендой о пребывании в Гималаях Иисуса Христа, — начала Нина Ивановна. — В 1890 году русский путешественник Николай Александрович Нотович, путешествуя по Ладаку, сломал ногу, и его поместили в Хемис Гомпа для оказания помощи. Там он оставался два месяца. Нотович обнаружил в библиотеке монастыря сочинения об Иссе, написанные на тибетском языке. Единого текста не было — разрозненные рассказы об Иссе входили в сборник различных по содержанию рукописей. С помощью одного из лам он выстроил их в хронологической последовательности. Как-то, копаясь в библиотеке Хемиса, он обнаружил древний манускрипт. Настоятель монастыря перевел ему текст, в котором якобы описывалась неизвестная жизнь Иисуса Христа. Из этого текста Нотович понял, что речь шла о том, что Христос посетил Синд, Раджгир, Банарас, Непал, Кашмир и Персию. Предания об Иссе, по словам ламы, были записаны в Индии на языке пали в середине 1 века н.э. со слов людей, видевших Иисуса в Индии и Непале, а также со слов индийских купцов, которые поддерживали торговые связи с Иерусалимом. Около 200 года палийские свитки привезли из Непала в Тибет. Впоследствии их перевели на тибетский язык в монастыре на горе Марбур близ Лхасы. В Хемисе хранились копии этих переводов. По возвращении в Париж Нотович опубликовал книгу «Жизнь святого Иисы, лучшего из Сынов Человеческих». В 1894 году книга была опубликована в Нью Йорке под названием «Неизвестная жизнь Иисуса».

И далее Нина Ивановна пересказала вкратце фабулу книги. Я внимательно слушал, стараясь для себя ничего не комментировать и ни о чем не спрашивать. Со времен Христа прошло слишком много времени. Так могло быть, а могло и не быть. Но все же необычное чувство возникло, когда я услышал, что мы едем в Хемис.

По дороге колонна остановилась на серпантине, чтобы туристы могли сфотографировать вид на долину реки в междугорье. Часть автомобилей выстроилась на обочине, скрывшись за поворотом. Юли видно не было. Поехала ли она? Впрочем, я дал себе установку находиться здесь и сейчас. Еще свежи были в памяти слова Мастера, произнесенные недавно. Когда кто-то его спросил на сатсанге: «У вас есть друзья?» Он ответил: «Мой друг тот, кто в данную минуту находится ко мне ближе всего». И тут я увидел Александру на краю обрыва и поодаль Сергея, который, взяв профессиональный фотоаппарат своей подруги, фотографировал ее. Александра и сама в поездках очень много снимала, а потом выкладывала подборки фотографий на своем сайте.

— О, привет! — воскликнул я.

— Привет, привет! — Александра счастливо улыбалась, принимая очередную позу с выгнутой спиной.

«Хороша плутовка!» — чуть не вырвалось у меня, но на деле сказал:

— Давайте сфотографирую вас вместе.

— Давай! — сказала Александра, — а еще лучше снимемся втроем. Вон Галя шелкнет.

Пришлось запечатлеться. В это время вспомнилось, что многие продвинутые йогины и даосы не любили и не любят фотографироваться. Например, Лахири Махасая пытались много раз заснять на фотопленку, но ничего из этого у фотографов не выходило. Отпечатка не было.

Прозвучала команда по машинам. Снова пыльная дорога. Горы практически без всякой растительности. Иногда колонна проезжала поселки с ничем не примечательными одноэтажными домишками на зеленых оазисах и пирамидальными тополями у дороги. Изредка на отдаленных высотах открывались древние труднодоступные монастыри, своей окраской сливающиеся с серой окраской гор. И, конечно же, встречалось множество белых ступ, самой разной величины и в самых неожиданных местах. Наконец дорога из долины реки снова пошла вверх — к показавшемуся на взгорье большому белокаменному монастырю с красными крышами построек.

Когда наши обступили Мастера на нижней площади монастыря, я понял, что Юли в группе нет. «Наверное, опоздала или опять у нее какая-нибудь встреча. Жаль не увидит эту красоту и не посетит монастырь, где Натович якобы нашел рукописи. Однако для йога жалеть о чем бы то ни было не пристало. В каждом моменте можно найти интересное».

Вход в главный храм почему-то был платный. Монах с необычным взглядом сидел на стульчике и продавал билеты. Когда группа стала ему совать деньги, он как-то непонятно улыбался, но его состояние благодати было очевидно. И тут до некоторых из нас дошло, что монах слепой, но он каким-то непостижимым образом, ощупывая денежную купюру, умел определять ее номинал и почти безошибочно выдавал сдачу. Когда же он медлил, то кто-то из туристов помогал, вытягивая из его левой руки потрепанные рупии.

Храм был очень древний. В центре напротив медитирующего Будды в два ряда лицом друг к другу сидели монахи и монотонно с характерными для буддистов гортанными звуками читали сутры*. Группа расселась за спинами монахов, и все погрузились по примеру Мастера в медитацию. Конечно, медитировать с Мастером, да еще в храме такого порядка, было изначально значимое событие! Моя точка сборки, если говорить словами Карлоса Кастаньеды, сразу переместилась куда-то в другой мир. Я вернулся в реальность только тогда, когда заиграли две огромные трубы, лежащие на подставках вдоль правой стены.

Казалось бы, ничего особенного не произошло, но после медитации я как бы заново укрепился в понимании, что я есть все, и что тело — это только личина, форма для привязанно-

сти — я есть. Потом группа рассеялась по монастырским этажам и закоулкам. Я поднялся на второй этаж, где находился музей и библиотека, и стал рассматривать через застекленные полки манускрипты, обернутые золочеными тканями; некоторые лежали в бордовых коробочках. Хотелось к ним прикоснуться. Но хотя в зале служителей не было, трогать их, конечно, было нельзя. Пытался ощутить, в каком из свитков есть упоминание о Христе, но они все казались одинаковыми.

Когда в библиотеку зашли двое наших, я перешел в музей. В нем уже находилось трое японцев — двое мужчин и женщина, которым экскурсовод-переводчик на английском рассказывал историю монастыря:

— Монастырь был основан в 11 веке. Однако свой современный облик приобрел в конце 17 века. Но и после этого он неоднократно перестраивался. Если вы видели картину «Монастырь Хемис. Ладакх» великого русского художника Василия Васильевича Верещагина, то по сравнению с сегодняшним обликом монастыря, можете заметить разницу в планировке. Монастырь был известен издавна, так как находился недалеко от Великого шелкового пути. Верещагин посетил монастырь в 1875 году. Хемис связывают с именем великого древнего йогина Наропы*, считается, что он создал школу Кагью* именно здесь.

Японцы понимающе кивали.

— По другой версии, — продолжал экскурсовод, — Хемис Гомпа был основан в 13 веке Ламой Сьялва Готсанг-па. Он медитировал в пещере и вокруг нее построил небольшой храм, известный сейчас, как Готсанг Гомпа. Располагается он в горах над Хемисом и находится под его управлением. Там же и кельи монахов, созданные для уединенных медитаций. Классический ритрит длится 3 года, 3 месяца, 3 недели и 3 дня, а всего получается 40 месяцев.

«Возможно, копии манускриптов хранятся не здесь, а в другом монастыре», — подумал я.

Выйдя из музея и спустившись вниз по деревянной лестнице, увидел Мастера.

— Мастер, скажи, пожалуйста, — обратился я, — а следующий монастырь, куда мы направимся, случайно не Гостанг Гомпа называется?

— Именно так.

— Возможно, манускрипты, которые обнаружил Натович, находятся не здесь, а там?

— Возможно, — как-то неопределенно ответил Мастер и пошел к выходу. За ним потянулись наши паломники.

Я понял, что время посещения данного монастыря закончено.

Глава 8

И снова дорога в горах с осыпями валунов на склонах. Колонна автомобилей, проехав вверх по ущелью, остановилась у подножья горы, на склоне которой располагался монастырь. Дальше шли пешком. Остановились у главных ворот. Мастер сказал, что через час все должны быть на пятачке возле машин и распустил группу. Паломники стали разбредаться по расходящимся в разных направлениях улочкам. Я обошел главный корпус. Справа, увидел узкую улочку, каскадами забетонированных площадок уходящую вверх, и примыкающие к ней двух-трех этажные белокаменные постройки с кельями. Что-то манило выше в горы, туда, где на выступах крутого распадка располагались самые отдаленные жилища монахов. Какая-то особая аура стояла над этим ущельем. Я даже забыл, что хотел расспросить местную братию о манускриптах. Хотя мне вряд ли бы что-то конкретное ответили: большинство монахов не склонны к общению, да и английский мало кто знает.

Обогнав двух девушек, успевших уйти вперед меня, и делающих селфи на фоне горного провала, я пошел дальше. За последней по улице кельей из горы монолитом выступали огромные базальтовые глыбы. Взобравшись на них и осторожно ступая по едва заметной тропе, я стал пробираться почти над самыми крышами построек вправо.

«А в чем же суть моего похода? — неожиданно задал я сам себе вопрос и сам же себе ответил. — Ни в чем. Просто гуляю. Внешнее все проходящее. Все есть меняющиеся формы, даже эти, казалось бы, незыблемые горы. И этот монастырь. Когда-то горы были, как новенькие, но с течением времени они и монастырь сильно разрушились. Многие кельи заброшены, а эти крайние вообще без крыши — в неприглядном состоянии. И только истина постоянна. Она не зависит ни от времени, ни от форм, сокрыта внутри человеческого сознания и познается, когда осознаешь единство себя и Космоса, себя и Дао. Значит нужно садиться и медитировать. Но вначале нужно поесть».

После лазания по склонам сильно пробудился аппетит. Я достал приготовленные заранее бутерброды с сыром, помидоры, разместился на плоском выступе скалы и принялся перекусывать. Сразу вспомнилась Юля, ее умение красиво накрыть походный стол. Впрочем, мне не плохо и одному. Внутри меня есть и мужчина, и женщина. ... Нужно стремиться к мастерству даосов, умевших сублимировать внутри себя собственную женскую и мужскую энергии.

Подо мной был монастырь и открывался живописный вид на стиснутую горами долину, на зеленом пятачке которой в самом низу разместилось великое множество белокаменных ступ. Привычка размышлять во время еды во мне, казалась, неискоренимой. А ведь йогины стремятся кушать в медитативном состоянии, тогда пища усваивается в теле лучшим образом. Однако я никогда не был сторонником совершенного ухода от ума. Как говорил обо мне один серьезный йогин: «Алекс, ты геденист и получаешь от жизни удовольствия». Вот и сейчас мне на ум пришла новая формула инь-ян взаимодействий. «Когда женщина готовит, — размышлял я, — она вкладывает в пищу свою инь-энергию, поэтому мужчине, чье свойство ян-энергии, ее еда кажется намного вкуснее, чем, та, которую приготовил он сам. В то же время самыми успешными поварами считаются мужчины — это потому, что оценку их таланту дает женщина. Пронизанная мужскими вибрациями пища, делает ее для женщины необыкновенно вкусной, к тому же у светских мужчин с желанием и вкусами женщины принято соглашаться. Отсюда и следует, что лучшие повара мужчины. Однако мне сейчас эта простая еда кажется очень вкусной. Почему? Ведь я готовил ее сам. Потому что в горах, в монастырях, да и просто вдали от людей пища пронизывается уже готовыми природными инь-ян вибрациями и преобразуется. Здесь минимальное воздействие сторонних влияний, в том числе поля негативных человеческих мыслей и придуманных человеком приборов».

Мысли скакали. Я вспомнил о Юле: «Может быть она специально не поехала на эту экскурсию, чтобы я о ней думал?» Ведь известно, что когда ты о ком-то долго думаешь, то этот человек конкретно подкрепляется твоей энергией. Нет, она не такая...

О магической подпитке энергиями было немало сказано в книгах К. Кастаньеды*. А у Юли явно были магические способности... Нет, Юля не может навредить, даже неосознанно... Обычные же люди часто создают друг другу проблемы, хитря, играя, заставляя другого думать о себе. Есть осознанные и неосознанные энергетические вампиры. Последние сами не понимают, что завели-задели человека, чтобы он стал добровольно качать им свою психическую энергию. Также бывает, когда человек осознанно мысленно прерывает связь с человеком. Ведь еще великий Пушкин писал: «Чем меньше женщину мы любим, тем больше нравимся мы ей». Чистая магия! Кстати, известно, что Пушкину дядя передал магический дневник...

Отобедав, я спустился к келье, от которой остались одни только каменные стены и часть крыши. Оказалось, что внизу есть еще один полуразрушенный этаж — он был виден через квадратный проем в полу. Я сел на балку в стороне от навалов камней и штукатурки. Оставшаяся часть крыши закрывала слепящее солнце. Уйдя в пустоту, я постарался увидеть безмерность пространства во все стороны. Помогала визуализация Космоса с его бесчисленным количеством звезд и галактик. Все начинается с визуализации и намерения, и потом сознание у человека в какой-то момент само доходит до того, как происходят те или иные явления. У Кастаньеды написано, что пространство пронизывают бесконечное количество светящихся линий. Это вытянувшиеся коконы людей, добившихся магической реализации, что, наверное, можно назвать частью астрального Космоса. Но известно, что астральное человеческое тело имеет тесную связь с физическим миром... О многом я пока еще могу только догадываться или строить аналогии. Между тем есть незыблемые метафизические законы Вселенной — их я изучал в изотерической школе «Света» у Виктора Волохова.

В данный момент нужно было освободиться от личности, чтобы получить для себя максимальную пользу от намоленного места, в котором монахи, возможно, столетиями занимались практиками постижения Дзогчен. Они-то наверняка были свободны от большинства внешних связей...

«Согласно учению Дзогчен, сущность основы всего — пуста и изначально чиста; природа основы — ясность, которая спонтанно совершенна; неразделимое единение изначально чистой сущности и спонтанно совершенной природы являет собой свободный поток энергии или сострадания. Для индивидуального ума эта основа — естественное состояние. Она является одновременно и источником самсары для введенного в заблуждение ума (ma rigpa) и нирваны для ума, в котором знание (rigpa) пробуждено», — не помню с какого источника я это записал.

В безмыслии я просидел, наверное, с час. Разотождествление помогло мне освободиться от навязчивых дум о Юле. Сознание долгое время находилось за пределами тела, поэтому физически я ощутил себя необычайно легко. Я вышел из кельи, улыбнулся все еще яркому солнцу и легко запрыгал по камням вниз — по тем камням, по которым до этого пробирался с такой осторожностью.

Часть группы уже собралась на площадке перед монастырем, дожидаясь остальных. Мастер, от нечего делать, выбрал подходящее орудие из штабеля бамбуковых палок (предназначенных для изготовления реставрационных лесов) и стал крутить его в руках, а потом вокруг тела, делая выпады в сторону воображаемого противника. Мастерски это у него получалось! Наш наставник в совершенстве владел ушу, и когда-то я начинал учиться у него основам цигун. Все это было как бы стили без ощущений — по крайней мере, в рамках сатсангов. Через растворение в пустоте нарабатывалось понимание, что человек — это не то, что он о себе представляет. Позже я изучал и практиковал цигун по книгам Сьюи Минтана, мастера Шаолиньской школы, который учил работе с непривязанностью немного иначе. Как я говорил,

в адвайте почти нет места визуализации, в то время как в Шаолинской школе визуализации придается большое значение. Но в любой школе цигун даже цели не ставятся. Просто нужно заниматься практикой, и когда-то ты получишь результат. Получая результат, занимаешься дальше. Поставленная же цель тебя привяжет к ней, и настоящей практики цигун не получится. Выполняя упражнения по руководству Сюи Минтана, я научился очень четко визуализировать предметы. Можно было представлять тело в виде полой трубы и гонять по нему шар с помощью вытягивающихся до бесконечности рук — то вверх, то вниз. Также в шаолинской школе большое внимание уделяется работе с энергиями. Ее нужно чувствовать, вращая инь-ян шар в руках, добиваясь ощущения энергетической связи с Космосом.

Когда группа полностью собралась, мастер отложил шест и сделал объявление о том, куда мы дальше направляемся. Мы расселись по машинам и поехали.

Первое что бросилось в глаза, когда я входил в этот третий по счету монастырь, был монах в желтой холщевой рубашке без пуговиц, надетой поверх бордового монашеского платья. Он сидел на бордюрике нога на ногу сбоку от ступенек, ведущих от нижней площади ко второму ярусу домов. Он несколько отличался от увиденных мною до этого монахов. Я не мог понять чем. В нем был как бы виден легкий налет светскости, но и глубокая мудрость одновременно. А главное — эта притягивающая безмятежность, свойственная только великим мастерам. Мне хотелось спросить у этого человека хотя бы что-то, но я не знал что. И проходя мимо, я только сказал по-английски:

— Очень красивый монастырь!

И он, не меняя легкой улыбки своего лица, ответил:

— Да, красивый!

Я отправился дальше. Посетив все монастырские храмы и обзрев красивый вид на горную долину с крыши, спустился вниз. Монаха уже не было. Выйдя из ворот на выходящую по склону горы улочку с торговым рядом, стал бродить от одного прилавка к другому, рассматривая сувениры, но лицо монаха не выходило из головы. «Надо с ним хотя бы немного побеседовать о практиках», — подумал я и вернулся в монастырь.

Я обнаружил его на пустынной каменной площадке, построенной над глубоким обрывом. Монах тихо стоял перед невысоким бортиком и созерцал даль. Я остановился у бортика с другого края. Не поворачивая головы, монах неожиданно сказал все на том же хорошем английском:

— Вы хотели у меня что-то еще спросить?

— Да. Но я не знаю с чего начать. Меня интересуют практики.

— Работа с инь-ян энергиями?

— Вот это да! Откуда вы знаете, ведь в буддизме нет такого определения, как инь-ян энергия... Это понятия даосов!

— Прежде, чем попасть в этот монастырь, я изучал еще много чего, в том числе и даосские практики.

— Вы вообще-то не очень похожи на тибетца...

Монах повернул ко мне лицо.

— Отец у меня с Тибета, а мать из центральной Индии. Сам я закончил университет в Дели, потом Кембридж в Англии. Меня зовут Цзяньян.

— Алекс, — представился я. — Что означает ваше имя?

— Чудесный звук.

— А что заставило вас оставить цивилизованный мир и поселиться в монастыре?

— Вы задаете очень много вопросов монаху, — казалось, он задумался, потом ответил. — Любовь.

— У вас была несчастная любовь?

— Нет, хотя без кризисов нельзя дойти до смысловых глубин бытия, просто в какой-то момент пришло понимание... Для чего мы приходим в этот мир. Вы знаете для чего вы живете?

— Ну я должен выполнить какие-то задачи. Я писатель...

— Писатель? — удивился он. — Похвально!

— И я хочу, например, реализоваться в творчестве...

— Ну а еще какие у вас цели?

— А разве этого мало? Бог — Творец и мы должны стремиться к его подобию...

— Мало. Любая наша работа в этом мире ничто по сравнению с обретением чувства высшей любви. Я говорю о любви не к одному человеку и не к группе людей, а о любви высшего порядка, о любви ко всему сущему во Вселенной. Это понимание приходит не сразу. Монашеская жизнь буддиста во многом способствует этому.

— А как же женщина, ведь вы такой умный, образованный, красивый лишили кого-то своей индивидуальной любви...

Он почти резко прервал меня:

— У каждого своя карма. Да, мы связаны с телом... Несмотря на то, что я пришел к единству понимания того, что Бог есть во всем и что все есть энергии, которые можно просто наблюдать и в принципе вообще можно ничего не делать, все ж таки от кармы тела никуда не деться и человек должен выполнять свои жизненные задачи. Обычный человек делает свою социальную работу, заводит семью и продолжает свой род. У монаха же другие задачи. Монахи трудятся на благо общины и работают со своим внутренним миром, согласно буддийским учениям.

— Но вы же должны знать, что есть метафизические законы устройства мира. Есть высшее женское и мужское начало. Оно воплощено в людях. И также все во Вселенной устроено от низших миров к высшим. Есть Шива и его жена Шакти. Мужская энергия Бога соединяется с женской высшей энергией, и обе эти энергии создают наш проявленный мир. По крайней мере, я так понял учение индуизма. А в буддизме, помнится, верят в некоторых индуистских божествах... Созданный по подобию Бога, не может обойтись без взаимодействия с женской энергией.

— Для этого у нас существует тантра, говоря даосским языком — взаимодействие инь-ян энергий внутри самого человека.

— Вы не могли бы мне рассказать о тантре и каких-нибудь еще буддистских практиках подробнее?

— Мы можем поговорить об этом, но не сейчас. Вам пора идти, вас ждет группа, а мне пора готовиться к вечерней службе.

«Вот это да! — подумал я, спохватившись, и посмотрев на дисплей мобильного телефона. — Он знает точно время отъезда группы. Откуда? И он сказал это, не взглянув на часы!»

— Я обязательно к вам приеду. Можно? Скажите, как найти вас?

— Моя келья слева на третьей площадке, если идти по этой лестнице вверх.

Мы попрощались, поклонившись друг другу.

Выбежав на дорогу, я увидел Ольгу.

— Слушай, мы с тобой опоздали. Наши уже, наверное, уехали, — сказал я тяжело дыша.

Ольга улыбнулась:

— Не волнуйся, Мастер прибавил еще час на посещение ресторанчика, и ты можешь свободно гулять. А если хочешь, пойдем с нами обедать.

— Нет, спасибо, мне и без того надо кое-что переварить, только в голове, — ответил я и побрел по улице.

Вскоре мне повстречались две девушки. От них я узнал, что в конце улицы есть два очень древних храма. Я направился туда.

Первый храм был построен в древне-индийском стиле из серого, местами почерневшего от времени камня. Округлый сильно вытянутый купол, невысокие стены. Внутри храма было довольно тесно. Большую часть помещения занимал высоченный, сияющий золотом Будда. Голова его скрывалась в потолочной нише, расписанной по периметру религиозными картинами. Гигантские размеры Будды впечатляли. Я стал ощущать несравнимую ни с чем энергию. Она была мягкая и как-то сразу очищала от всех ненужных мыслей. Хотелось сидеть и сидеть, находясь в состоянии этого блаженства как можно дольше. Во всем теле чувствовались необыкновенные вибрации. Вибрировала каждая клеточка, как внутри, так и снаружи меня — видимо, мое существо попало в резонанс с полем храма. В слиянии Я с пустотой внимание пыталось изучить вибрирующее поле — оно, казалось, было живым и лучилось сознанием многих поколений верующих. Чистые помыслы людей материализовались в статуе Будды...

Выйдя из храма, я еще некоторое время сохранял это необычное ощущение, и постепенно оно растворилось. Во второй храм решил не идти — пора было возвращаться к месту сбора.

Пройдя еще немного по улице, я увидел группу молодых тибетцев — мужчины в дешевых спортивных брюках и выгоревших футболках, а женщины в пестрых платьях. Они сидели вокруг высоко наваленной горы персиков, перебирая их. Раздвоенное корявое дерево с зонтичной кроной укрывало людей от солнца. Плоды были, как с картины — оранжевых, желтых, синеватых оттенков; лица, бурые от загара и от улыбок, казались не менее красивыми. Над работающими, давая какие-то указания, возвышался монах в бордовой одежде. Картина, достойная кисти Ван Гога или Гогена. Понаблюдав за работой, я пошел дальше.

Мастер подждал у ресторана тех, кто задержался на обеде. Этот ресторан был самый приличный из тех, что здесь находились. Его окружал высокий белокаменный забор, и в нем был дворик со столами под навесами. Наши парни и девушки выходили из арочных ворот, и Мастер отправлял всех к машинам, которые местное руководство заставило перегнать вниз. Я остановился возле Мастера, но он словно не замечал меня. Да я и сам сразу не понял, что со мной произошло. В уме наступила пауза, и тело приятно завибрировало.

— Вот это да, Мастер! — воскликнул я, — представляешь, вот остановился возле тебя и снова оказался почти в таком же пространстве, которое ощутил в древнем храме в конце этой улицы!

Он улыбнулся, сказав всего три слова:

— Я был там.

— Да? Я реально ощущаю те вибрации!

Он снова улыбнулся:

— Ты все ищешь сидхи...

Глава 9

Юля не пришла в Медитейшн центр ни на другой день, ни на следующий. Ее мобильный с местной сим-картой не отвечал. Я стал волноваться, что с нею что-то случилось, но идти искать ее в переулок по гостиницам было бы глупо. Поэтому я смиренно ждал, надеясь, что она скоро объявится.

Вечером Мастер объявил, что Монах, построивший ту большую красивую ступу, которая возвышается на горе за моим гестхаусом, приглашает всех нас на экскурсию. Встреча группы была назначена возле ступы.

Я пришел туда самостоятельно, поднявшись по бесконечным ступенькам каменной лестницы. Нас уже поджидал монах в желтых одеждах. Мастер представил его, как Гуоми Накамура, и попросил немного рассказать о замыслах и строительстве этого грандиозного сооружения. Из слов монаха, который говорил по-английски, стало понятно, что он родился и жил в Японии, что строительство такой большой ступы было мечтой всей его жизни. Потом он буквально сказал словами Манфреда Зегерса* «Ступы — это монументы, способствующие сохранению мира в мире. Это архитектурные сооружения, в совершенной форме выражающие чистую природу ума, Просветление. Они были построены тысячелетия назад в Азии и оказывают позитивное влияние на силовое поле всей вселенной».

Затем монах повел нас в храм, внешне больше напоминающий обычную современную постройку белого цвета с большими окнами. Он располагался на этой же горе, но уступом ниже. Внутри было просторное помещение с большими окнами и белыми колоннами. В центре зала восседал на широком деревянном помосте золоченый Будда.

После общей медитации Мастер по просьбе группы провел совместный сатсанг с монахом. Было много вопросов и ответов, но больше всего мне запомнилось, что в ответ на вопрос: «какова ваша конечная цель?» монах ответил: «обретение нирваны». Что он имел в виду, я тогда не совсем понял. Кажется, сам Будда говорил, что весь зримый мир есть нирвана. Но также известно, что нирвана достигается, когда энергия кундалини* поднимается по центральному каналу, и тогда исчезает я, видящий и видимое, все становится осознанным единым целым. Мир познается в золотом свечении все объединяющих энергий. Чего он еще не постиг, этот монах, после стольких лет жизни в горах?

По окончании сатсанга Мастер распустил группу, и люди разрозненно потянулись в город. Я тоже направился к лестнице, которую стал называть лестницей Бесконечности, но тут Ольга догнала меня.

— Послушай, — сказала она. — Там Наташа с подружкой напросились к Гуомию в келью. Они могут взять и нас с тобой.

— А удобно?

— Пойдем, пойдем, — настаивала Ольга.

— Хорошо, пойдем.

Когда мы подошли к стоявшим на площадке девушкам, я спросил:

— Правда можно посмотреть, как живет монах?

— Да, пойдемте, он нас приглашает!

Бодро шагая, появился Гуоми. Улыбнувшись нам, пригласил за собой кивком руки. Мы направились к другому, меньшему по размерам старому деревянному храму. Сняв обувь перед высокими ступенькам, поднялись по ним и прошли по настилу мимо тихого зала к келье.

— Вот здесь я живу, — сказал Гуоми, садясь на кровать, стоящую у дальней стены. — Я угощу вас хорошим чаем, Наташа, помоги мне.

Мы скромно разместились при входе на устланном подушками подиуме. Пока готовился чай, я продолжал рассматривать комнату. Она была небольшая, но необычайно красиво убрана.

Высокая деревянная спинка монашеской кровати и стоящий у смежной стены буфет были восхитительно расписаны в буддийском стиле золотом и киноварью. В глаза бросалось многочисленное изображение цветов. Впечатляли скульптуры божеств за стеклянными дверками, изящные напольные вазы. Верхний периметр комнаты был красиво задрапирован тканями. На потолке и полу фрагментами располагались небольшие красивые ковры.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.